

Е. С. ЮРОВА О бисере, бусах
и прошлом времени

Воспоминания московского коллекционера

Annotation

Как человек «заболевает» коллекционированием? Что привносит это увлечение в его жизнь? Настоящий коллекционер – завсегдатай барахолок, антикварных магазинов, библиотек и музеев. Ему встречаются необычные люди и вещи, бросающие вызов, будоражащие воображение, заставляющие все глубже и глубже погружаться в неповторимый мир собирательства. Об этом увлекательном и уникальном опыте рассказывается в книге воспоминаний старого московского коллекционера Елены Сергеевны Юровой.

- [Елена Юрова](#)
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Тёнин шкафчик](#)
 - [Женщина или дама?](#)
 - [Ул. Чернышевского, д. 10, кв. 38, тел. К7-87-19](#)
 - [Кофточка с обезьянкой](#)
 - [Открытка с фотографией Греты Гарбо](#)
 - [Наши наряды](#)
 - [1961 год](#)
 - [Наташа Рытова](#)
 - [Ленинградский кошелек](#)
 - [Наши путешествия](#)
 - [Староселье](#)
 - [Коты](#)
 - [Начало коллекции](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

**Елена Юрова
О бисере, бусах и прошлом
времени: Воспоминания
московского коллекционера**

* * *

Моему мужу Володе Васильеву

Предисловие

В декабре 2012 года мы расстались с коллекцией бисера, которую начали собирать еще с моими родителями и занимались этим практически ровно 50 лет. Расставание было тяжелым, но нас несколько утешил и обнадежил тот теплый прием, который новые владельцы коллекции – сотрудники Музея-усадьбы Останкино – оказали нашим любимым «бисерам».

На следующий день мы занялись приведением квартиры в порядок. Только из стен нашей комнаты пришлось удалить 81 гвоздь, не говоря уже о четырех опустевших витринках. Смотреть на это не было никаких сил, и мы принялись срочно заполнять опустевшие стены остатками прежней роскоши. В ход пошли литографии, сохранившиеся от небольшого собрания гравюр, бисерные вышивки, некогда полученные в подарок, какие-то памятные предметы, связанные с событиями прошлого. Погрузившись в воспоминания, я задумалась о том, как интересно было бы узнать что-нибудь об их предыстории. Ведь, покупая эти предметы, мы большею частью об этом ничего не знали. И мне показалось небесполезным записать то небольшое, что нам иногда все же становилось известным.

В этом занятии меня очень поддержала цитата из культовой в нашей семье книги «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова. Вот что он пишет о старых вещах, долго хранящихся в семье или даже передающихся из поколения в поколение: «Вещь человек принимает в свою душу. Даже старец, ушедший в пустынь, любит свое стило, кожаный переплет своей единственной книги.

Раньше транссубъектный мир был устойчив. Форма глиняного горшка не изменялась тысячелетиями; бюро с

ломоносовского времени не сильно отличалось от аналогичного предмета 1913 года. Но все чаще наш современник не может понять назначение не только старинной вещи, но и предмета даже в скудном отечественном хозяйственном магазине» (Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. М., 2015. С. 426). Сейчас ассортимент отечественных магазинов значительно расширился, но отношение к «ненужному старью» стало, мне кажется, еще более равнодушным.

Тёнин шкафчик

Так называемый Тёнин шкафчик – один из предметов, дольше всех живущий в нашей семье. Его история связана с семьей моей бабушки – Марии Павловны Юровой (урожденной Любимовой). Ее родители – Павел Васильевич Любимов и Анна Михайловна (урожденная Формозова), происходили из семей сельских священников и оба рано осиротели. Анна Михайловна и ее сестра попали на воспитание в разные семьи, жили далеко друг от друга и впоследствии тоже мало виделись.

Анна Михайловна воспитывалась в семье своего дяди Лаврова – священника в селе Пески недалеко от Вязников. У него самого было очень много детей и весьма скромный достаток, но к моей прабабушке, а потом и к ее детям вся семья Лавровых относилась с большой любовью. Я помню, какими теплыми бывали встречи бабушки с детьми Лавровых – московским врачом Михаилом Александровичем и украинской учительницей Марьей Александровной.

У Павла Васильевича было 12 братьев и одна сестра, которая вышла замуж за миллионера Смирнова и жила в Сибири (кажется, в Красноярске). Один из братьев был членом земской управы в Иванове, другие разъехались по разным городам, а один стал настоящим бродягой, чем и запомнился, надо полагать, больше всех остальных. Время от времени он появлялся в семье Павла Васильевича, его сначала мыли в бане, затем облачали в платье брата и только тогда допускали в дом. Мою прабабушку он очень любил и почитал, а дети были без ума от его рассказов. Прадед устраивал его на работу, но его трудовая жизнь продолжалась только до первого жалованья, которое он немедленно пропивал,

менял свое платье на рубище и отправлялся в очередное странствование. Однажды он решил идти пешком к сестре в Сибирь, но по дороге замерз где-то на границе Владимирской губернии.

Тёнин шкафчик. Дуб, конец 19 – начало 20 века

Анна Михайловна вышла замуж очень молодой: ей было шестнадцать, а Павлу Васильевичу – за тридцать. Сначала она его смертельно боялась, но постепенно забрала все хозяйство в свои руки и вела его безукоризненно. Это было, наверное, очень нелегко: пятеро детей, дом в Вязниках, прислуга, корова, куры... Все это существовало на одно жалованье члена земской управы, надворного советника Павла Васильевича Любимова.

Питались в основном за счет натурального хозяйства. Для того чтобы одеться и одеть детей, Анна Михайловна ездила на Нижегородскую ярмарку, закупала там штуками сукно для гимназической формы мальчикам, ткани на платье девочкам, лен на белье для всей семьи, а потом шила все это сама на швейной машинке *Kaiser*, подаренной ей на свадьбу. Прошло уже больше ста лет, а машинка все еще живет у нас в семье и работает безукоризненно. Не меняя иголок, на ней можно шить все: от батиста до дубленок.

Анна Михайловна Любимова (1857(61)-1942)

Все вспоминали о моей прабабушке как о женщине умной и решительной. Вот один маленький эпизод из вязниковской жизни. Мука и крупы в доме Любимовых для защиты от мышей хранились в больших деревянных ларях. Одна мышь все-таки как-то ухитрилась пробраться в ларь и, когда кухарка его открыла, от страха прыгнула ей прямо в вырез кофты. Кухарка с дикими воплями выскочила во двор и стала там метаться, продолжая кричать на все Вязники. Никто не мог понять, что с ней случилось. Одна Анна Михайловна каким-то образом сообразила, в чем дело, подбежала к ней, рванула изо всех сил ворот кофты, кофта разорвалась, мышь выскочила, а кухарка успокоилась.

На лето Анна Михайловна с детьми перебиралась к дяде, священнику Лаврову, в Пески. Дети там наслаждались жизнью: бегали, играли, устраивали всяческие проказы. А потом поджидали дедушку с панихидками (так назывались лакомства, которые приносили в церковь прихожане, заказывающие панихиду). После беготни и игр на свежем воздухе какая-нибудь черная лепешка или черствая французская булка казались им необыкновенно вкусными.

Семья Любимовых. Слева направо: Виктор, стоят Надежда и Владимир, сидят Маруся, Анна Михайловна, Сергей и Павел Васильевич, 1897

Как-то летом сын Лаврова Михаил Александрович заехал в Вязники к Павлу Васильевичу и застал дома одну кухарку, которая долго жалась и мялась и, наконец, объявила ему: «Уж очень барыню мне жалко:

ведь барин каждый день под утро домой приходит». Михаилу Александровичу стоило большого труда втолковать ей, что барин играет в карты в клубе, а не посещает какую-нибудь даму сердца. Мой прадед, да и прабабушка, вообще очень любил поиграть в карты. Когда семья была дома, их партнеры собирались у них, а когда Анна Михайловна с детьми уезжала в Пески, Павел Васильевич ходил в клуб и сидел там допоздна, поскольку торопиться ему было некуда.

Всю жизнь «бабатик» (так в семье называли Анну Михайловну) нежно заботилась о своих многочисленных детях и внуках, но большее внимание всегда уделяла невесткам. Когда знакомые спрашивали ее, с чем это связано, она отвечала, что дочери ее все равно меньше любить не будут, а дурное отношение к невесткам обязательно отразится на семейной жизни ее сыновей. «Бабатик» была чрезвычайно деятельна, невзирая на возраст. Только в 80 или 85 лет она произнесла фразу, которую потом долго цитировали у нас в семье: «Чувствую, что приближается старость».

Умерла Анна Михайловна в 1942 году. К тому времени из ее детей в живых и на свободе осталась только моя бабушка. Но она уехала со мной и моей мамой в эвакуацию в Красноуфимск. Брать с собой Анну Михайловну, отправляясь в полную неизвестность, побоялись, и «ба-батик» осталась в Вязниках на попечении у соседей. В тот день, когда она умерла, моей бабушке приснился страшный сон. Ей казалось, что она приехала в Вязники, идет к своей маме и страшно торопится, боится опоздать. Вдруг с расположенного в центре города кладбища выбегает собака, хватая ее за подол и тащит на кладбище. Бабушка вырывается, кричит, но собака ее не пускает. Проснувшись, бабушка твердо сказала моей маме, что, наверное, с Анной Михайловной что-то случилось. Это подтвердило пришедшее только через два месяца письмо. Самым

странным было то, что прабабушку похоронили именно на том кладбище, на которое бабушку тянула собака. Так решили хоронившие «бабатика» люди, поскольку кладбище, на котором хоронили всех Любимовых, было слишком далеко. Много лет спустя мы с мужем съездили в Вязники и узнали, что старое кладбище, на котором была похоронена Анна Михайловна, уничтожили и на его месте разбили городской парк.

Старший сын четы Любимовых, Виктор Павлович, родился в 1880 году, учился в гимназии в г. Шуя, а затем в Московском университете на юридическом факультете. Учиться в Шую его отправили восьми лет, и весь город удивлялся, как Анна Михайловна могла отпустить такого маленького ребенка. Она очень тосковала без него, но считала, что сыновья обязательно должны получить хорошее образование. Во все время ученья в день его именин из собора приносили чудотворную икону Казанской Божией Матери. После заутрени, когда еще было темно, приходили священники, ставили икону на сдвинутые, покрытые полотенцем стулья и служили молебен о здравии раба Божия Виктора.

Во время учебы в университете Виктор Павлович снимал комнату у каких-то обедневших аристократов. Их дочь Наташа имела обыкновение ходить дома в шелковом платье со шлейфом, подметая им пыль и мусор в давно не метенных комнатах. Виктор Павлович влюбился в нее и подумывал о женитьбе, что Анна Михайловна категорически не одобряла. Однажды в Вязниках она получила от него письмо, начинавшееся словами: «Дорогая мама, я собираюсь жениться...» Сначала она пришла в ужас, но, дочитав письмо до конца, выяснила, что он собирается жениться вовсе не на Наташе, а на бедной учительнице из какой-то глухомани. Она преподавала в приходской школе, а жила в монастыре. Виктор Павлович видел ее всего один

раз, но в то время он уже окончил университет и должен был ехать на работу в Сибирь, и откладывать женитьбу было никак нельзя.

Анна Михайловна срочно приехала в Москву, и они вместе отправились в тот городок, где жила учительница. До монастыря добрались поздно ночью и долго стучались, прежде чем им отворили. Сначала их пускать не хотели, но Анна Михайловна решительно заявила, что ей необходимо говорить с матерью игуменьей. Подняли с постели игуменью, и прабабушка объявила ей, что приехала за невестой сына. Когда наконец разбудили учительницу, та сначала никак не могла взять в толк, в чем дело. Потом заявила, что никакого жениха у нее нет, но в конце концов, разобравшись, что к чему, согласилась поехать с женихом и будущей свекровью к своему отцу-священнику. Отец быстро дал согласие на брак, и свадьбу сыграли в три дня.

Молодые поехали работать сначала в Канск, а потом в Красноярск. В Канске у них родилась дочка Леночка. Когда Леночка была еще маленькой, мать приехала с ней в Вязники к Анне Михайловне (которую, наверное, с этих пор и стали называть «бабатином»). В Вязниках девочка заболела скарлатиной. «Бабатик» с моей бабушкой, которая тогда была еще девочкой, круглые сутки дежурила у детской кровати, а мать Леночки, накинув одну шаль, в беспамятстве бегала по всему городу. В конце концов девочка выздоровела, и они отбыли в Канск. А в Канске Леночка заболела ангиной и умерла. «Бабатик» очень любила свою первую внучку и, когда родилась я, попросила назвать меня Леной.

Анна Михайловна была очень религиозна, хотя к обрядам относилась довольно скептически. Тем не менее, когда меня должны были принести из роддома, она заявила, что для нее некрещеный ребенок все равно что обезьяна и на руки она его ни за что не возьмет.

Судя по тому, что впоследствии она меня нежно нянчила, наверное, крещение все же состоялось втайне от родителей и моей бабушки, которая придерживалась весьма передовых взглядов и была убежденной атеисткой.

У Виктора Павловича с его женой детей больше не было. Во время или перед революцией они расстались. Все это время он работал в Красноярске помощником прокурора. После революции, когда в Сибири установилась на некоторое время власть белых, он, кажется, играл какую-то роль в правительстве Сибири. Вместе с белыми бежал в Харбин, где долгое время был директором гимназии, женился на владелице кондитерского магазина, но был выслан обратно в СССР. После войны бабушка получила от него письмо из лагеря, в котором он просил о помощи. Ему послали какие-то продукты и теплые вещи, но больше никаких известий о нем не было.

Приблизительно в 1885 году в Вязниках появилась никому не известная супружеская пара. Вскоре жена родила двух девочек-близнецов и при родах умерла. Отец оказался совершенно неспособным содержать и растить детей, и девочек отдали на воспитание в разные семьи: одну взял местный богач, владелец типографии Матрёнинский, а другую – лакей самого выдающегося человека в Вязниках – фабриканта Сенькова. У Матрёнинского и его жены Меланьи Семеновны детей не было, и все их заботы были посвящены воспитанию приемной дочери Тани. Вот эта Таня и стала женой второго сына Анны Михайловны – Владимира Павловича. Знакомы будущие супруги были с детства, вместе играли, встречались во время праздников и каникул. Татьяна Семеновна была необыкновенно хороша собой: стройная фигура, большие черные глаза, темные вьющиеся волосы. На балах-маскарадах она затмевала всех, блистая в туалетах, специально выписанных для

нее Матрёнинским из Москвы, но учение ей никак не давалось. В то время как Владимир Павлович прекрасно окончил гимназию и поступил в университет, Татьяна Семеновна, несмотря на весь авторитет своего приемного отца, не смогла учиться в гимназии. Она была переведена в епархиальное училище во Владимире, но и его не смогла закончить. Тем не менее они любили друг друга, а родители с обеих сторон не возражали против этого брака. Перед венчанием Татьяне Семеновне рассказали о ее происхождении, она нашла свою сестру, и они вместе с ней и Владимиром Павловичем сходили на могилу ее матери. После окончания университета Владимир Павлович работал в Москве в министерстве здравоохранения. У них было двое детей – Ольга и Борис.

В начале Первой мировой войны его призвали в армию, и он был адъютантом какого-то полка. Революция застала их полк в Москве. Владимир Павлович был арестован в своей квартире в Спасских казармах. Анна Михайловна и моя бабушка, которая к тому времени уже была замужем, очень волновались. Бабушка осмелилась позвонить в казармы. Там какой-то начальник объяснил ей, что с Владимиром Павловичем все в порядке. Солдаты его снова выбрали офицером, и арест с него снят. Вскоре он демобилизовался и до своей смерти в 1942 году работал юрисконсультom в каком-то министерстве. Он очень увлекался театром, был знаком со многими театральными деятелями, и у него было множество фотографий артистов с их автографами. К сожалению, его потомки, кажется, их выбросили.

Владимир Павлович Любимов, 1916

Татьяна Семеновна Матрёнинская, 1903–1905 годы

Сережа, «Бабатик», Ольга Ивановна и Сергей Павлович Любимовы

Младший сын Любимовых – Сергей Павлович, унаследовал, повидимому, что-то от авантюрного характера своего дяди-бродяги. Он сидел в лагерях, потом оттуда попал в крупные начальники Даль-строя, потом опять сидел. Свои последние годы он провел в Москве в обществе жены Ольги Ивановны и сына Сергея.

Совершенно другим человеком была старшая бабушкина сестра – Надежда Павловна (Тёна, как ее называл мой папа). Родилась она в 1879 году, училась в гимназии во Владимире. Некрасивая, но чрезвычайно умная и целеустремленная, она хотела после окончания гимназии продолжить образование. Однако ее отец, Павел Васильевич, придерживался достаточно консервативных убеждений и поступать в высшее учебное заведение своей старшей дочери запретил.

Надо отдать ему должное: ко времени окончания гимназии моей бабушкой, которая была на 10 лет моложе Тёны, он, не без влияния жены, пересмотрел свои взгляды, и бабушка, сдав дополнительные экзамены за мужскую гимназию, поступила на высшие женские медицинские курсы в Петербурге.

Надежда Павловна, окончив гимназию, пошла работать учительницей в школу Сергея Ивановича Сенькова, владельца ткацко-прядельной фабрики. Вскоре она стала директрисой школы и проработала в этой должности до своей смерти в 1930 году.

Сначала школа была очень маленькой. Помещалась она в покосившемся желтом домике, но по мере расширения деятельности Сенькова росла и школа. Сеньков построил для нее новое белое здание, а для учителей Надежда Павловна отвоевала красный двухэтажный дом. В этом доме у нее было две комнаты, по комнате у каждой учительницы, общая кухня и столовая. Постепенно Сеньков стал наряду с Демидовым самым богатым человеком в Вязниках. Демидов благотворительностью не занимался, а Сеньков по просьбам Надежды Павловны постоянно кому-нибудь помогал: больным чахоткой, способным, но малообеспеченным ученикам и т. п. Надежда Павловна была не замужем и все свои силы отдавала работе.

У нее была подруга из семьи местных немцев – Фрида Крамме. Однажды они вместе совершили большое путешествие по Европе. Тогда это было совсем несложно: надо было сходить в полицейский участок, взять там свидетельство о благонадежности, выправить там же паспорт, купить билеты и ехать куда заблагорассудится. Тёна знала французский, Фрида немецкий, и они, легко преодолевая языковые барьеры, побывали в это лето в Германии, Франции, Италии. Кажется, именно из этого путешествия Тёна привезла

неплохую копию «Сельской мадонны» Феррари, которая до сих пор висит в нашей комнате.

Еще несколько сувениров: бронзовую статуэтку Жанны д'Арк, ложечку с изображением Эйфелевой башни и датой «1900» – подарил Надежде Павловне управляющий фабрикой Сенькова Иван Михайлович Новожилов, который работал на Всемирной выставке в Париже. Он очень нежно относился к Надежде Павловне, они любили друг друга, но Иван Михайлович был женат, имел детей, и ни ему, ни ей не приходила в голову мысль о возможности разрушить его семью. После революции он был, разумеется, лишен всего своего имущества и выслан на Медвежью гору. В это время умерла его жена, и он написал Надежде Павловне, прося ее навестить двух его девочек в Новогирееве. Она поехала туда зимой, в бурю, вернулась совершенно больная, с повышенным давлением. В таком состоянии уехала в Вязники, через несколько дней у нее сделалось кровоизлияние в мозг, а еще через несколько дней она умерла. Когда Иван Михайлович вернулся в Москву, ее уже не было в живых. Хоронили Надежду Павловну все Вязники: ее ученики, их родители, их дети запрудили всю центральную улицу, гроб несли на плечах до самого кладбища и останавливались у каждого дома.

Надежда Павловна Любимова – Тёна (1879–1930)

Когда в 1970-х годах мы с мужем были в Вязниках, нам удалось отыскать одну из выпускниц этой школы, окончившую ее сразу после революции. Дочь богатого купца, она доживала свои дни в одиночестве и ужасной нищете. Узнав, что я – внучатая племянница Надежды Павловны, она предалась воспоминаниям о школе, о музыкальных вечерах, о выпускном бале. Было ясно, что это были единственные светлые мгновения в ее нелегкой жизни. О Надежде Павловне она вспоминала с величайшим уважением и благодарностью. Совсем другой прием встретили мы у местного «краеведа». Он долго и подозрительно расспрашивал нас, кто мы такие, а потом сурово сообщил, что о существовании Надежды Павловны Любимовой он знает, но ее деятельность в

местной прессе не пропагандирует, поскольку она, кажется, неправильно повела себя после революции: вместо того, чтобы поддержать большевиков, сочувствовала эсерам. Бабушка была уверена, что она не сочувствовала ни тем, ни другим, а просто пыталась защититься от революционных невзгод своих учеников. Тем не менее на Лубянку ее вызывали, но скоро отпустили, не найдя в ее действиях никакого состава преступления.

Уровень познаний идейного «краеведа» был, по-видимому, весьма невысок. В частности, он авторитетно заявил, что в Песках никогда не было никакой церкви. Все наши заверения, что там служил наш родственник и поэтому церковь там точно была, он отверг как не заслуживающие никакого внимания. Для расследования этой «загадки истории» мы просто съездили в Пески, увидели там развалины церкви и отыскали дом, в котором жил священник Лавров с семейством и куда каждое лето приезжала к ним Анна Михайловна с детьми.

Красный дом, где жила Надежда Павловна, в то время все еще стоял на центральной площади, мы даже попросили разрешения зайти в ее комнаты. Когда-то в них стоял маленький резной шкафчик, на верхней полке которого располагалась привезенная из Парижа Иваном Михайловичем Новожиловым бронзовая статуэтка Жанны д'Арк. Этот шкафчик перешел потом к моей бабушке. В нем хранилось белье четырех поколений нашей семьи. Он по-прежнему называется «Тёнин шкафчик», стоит в нашей квартире и, наверное, ждет, когда в него снова положат комплект детского белья.

Женщина или дама?

Моя бабушка, Мария Павловна (1889–1987), родилась в Вязниках, училась в женской гимназии в г. Иваново. Начитавшись романов Чарской, она мечтала поступить в институт благородных девиц и с нетерпением ждала того момента, когда ее отец получит орден Св. Анны, дававший право на дворянство. Орден Павел Васильевич получил, но к тому времени успели отменить даваемое этим орденом право на потомственное дворянство, и дворянином стал только Павел Васильевич. Поэтому Марусе (так бабушку называли в детстве) пришлось удовлетвориться гимназией. Училась она хорошо, проявляя особенные способности к математике, но в выпускном классе гимназии произошел эпизод, который мог бы привести к весьма печальным для нее последствиям. В то время все увлекались передовыми идеями: сострадали народу, осуждали власть имущих и очень сомневались в существовании Бога. Бабушка основательно проштудировала Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», который существования Бога не отрицал, но роль Христа оценивал весьма своеобразно. В результате Маруся сделала свои выводы и на обязательной для всех гимназисток исповеди сообщила священнику, что в Бога не верует. После такого признания священник должен был бы поставить ей двойку по Закону Божьему, что автоматически привело бы к исключению из гимназии и закрыло бы доступ к высшему образованию. К счастью, священник был в очень дружеских отношениях с Павлом Васильевичем. На исповеди он сделал вид, что не расслышал, а в доверительной беседе с бабушкиным отцом попросил сделать ей надлежащее внушение и сказать, чтобы впредь она ничего подобного вслух не

произносила. Таким образом, Маруся Любимова благополучно окончила гимназию.

Вскоре после этого, когда бабушке было 18 или 19 лет, она заболела брюшным тифом. В жаркий день они с веселой компанией катались на лодке по реке, захотелось пить, Маруся зачерпнула пригоршню воды из реки и выпила. Болезнь протекала очень тяжело, врачи уже теряли всякую надежду, когда она увидела в полузабытии образ Казанской Божьей Матери, которая сказала ей, что скоро будет кризис и она выздоровеет. Бабушка рассказала об этом своей маме Анне Михайловне. Из церкви был принесен соответствующий образ, отслужен молебен, и больная действительно через день пошла на поправку. Несмотря на этот случай, в Бога она так и не уверовала, хотя жизнь вела поистине подвижническую, всю ее посвятив своим родным. До 93 лет она вела практически все домашнее хозяйство нашей большой семьи, состоявшей из четырех поколений. Но и позднее, перенеся несколько тяжелых болезней, она все еще пыталась внести свой вклад в этот нелегкий процесс.

Когда бабушка заболела брюшным тифом, ее, как это тогда полагалось, остригли, и она со своей мальчишеской прической приобрела настолько современный вид, что моя внучка в детстве путала мои и бабушкины фотографии.

Чтобы получить высшее образование, надо было сдать экзамены за мужскую гимназию. Маруся Любимова мужественно выучила за год латынь, греческий и дополнительный материал по математике, сдала все дополнительные экзамены в Егорьевске и поступила на высшие женские медицинские курсы в Петербурге. Обучаясь на курсах, бабушка чуть не уморила себя голодом, решив, что она слишком полная и ей надо срочно похудеть. Обладая незаурядной силой воли, она соблюдала строжайшую диету и отказалась от всех

видов транспорта, хотя очень любила кататься на извозчиках «с дутыми шинами». Когда в совершенно отощавшем виде она появилась в Вязниках, ее мама («бабатик») решила, что у нее последняя стадия чахотки, и отправила ее на юг под присмотром старшей сестры Нади. На юге, выйдя на пляж и увидев в первый раз людей в купальниках, Маруся пришла в ужас и сказала, что такого неприличия ни за что не допустит. Надежда Павловна ее уговаривала три дня. В конце концов бабушка согласилась, и выглядела в купальнике, наверное, очень неплохо, потому что фигура у нее всегда (вплоть до глубокой старости) была отличная.

Мария Павловна Любимова, 1909

Медицинские курсы бабушка так и не окончила, потому что падала в обморок при виде крови. Окончание ее медицинской карьеры совпало с более радостным

событием – она вышла замуж за Гавриила Федоровича Юрова. Дед только что окончил курс в Институте инженеров путей сообщения и получил звание инженера-путейца. Был он красавцем почти двухметрового роста, с голубыми глазами, светлыми волосами и роскошными усами. Дед происходил из казаков станицы Ахтубинская, все жители которой отличались, по семейной легенде, исключительно высоким ростом и служили, как правило, в гренадерских полках. А фамилия Юровых происходила, также по семейному преданию, не от имени Юрий, а от слова «юр» – видное место. Должно быть, дом Юровых когда-то стоял на возвышении или в центре станицы на базарной площади.

Мария Павловна и Гавриил Федорович Юровы, 1913–1914 годы

Венчались Мария Павловна и Гавриил Федорович 8 января (по старому стилю) 1913 года в Вязниках. Шафером был отец бабушкиной невестки Матрёнинский, подругой невесты – лучшая бабушкина подруга Шура

Мумрикова (убита во время Гражданской войны). После венчания был ужин в красном доме, где жила Надежда Павловна.

Сначала молодые отправились на строительство Амурской железной дороги. Поскольку бабушка была в молодости большая модница, она договорилась со своей петербургской портнихой, что будет выписывать себе туалеты по почте. Молодая дама сообщала портнихе, что ее размеры за последнее время не изменились, и портниха высылала ей то летнее платье, то осенний костюм, то вечерний туалет, сшитые по последней моде.

В 1914 или 1915 году Юровы переехали в Москву. Управление железной дороги, на которой должен был служить дед, предоставило им хорошую пятикомнатную квартиру в Лихоборах. Бабушка, которая в то время уже ждала ребенка, поселилась на первое время в номерах. Туда к ней приходил приказчик с образцами обоев и тканей для обивки мебели. Мария Павловна давала руководящие указания, и ремонт в скором времени был завершен. Мой папа родился в 1915 году. К нему взяли няню Ксюшу из Вязников, и жизнь потекла тихо и мирно, несмотря на то что уже шла Первая мировая война. Бабушка говорила, что на московской жизни она никак особенно не отразилась, да и все их окружение от войны практически не пострадало.

Крутой поворот в их существовании наступил после революции. Деда направили руководить ремонтом железнодорожных путей, которые взрывали белые при своем отступлении на восток. Жить стало чрезвычайно трудно, наступили большие проблемы с продуктами. Особенно удручало бабушку отсутствие главного напитка всей ее жизни – кофе, который она любила восьми лет от роду и пила, несмотря на гипертонию и плохое сердце, в течение 90 лет. Каким-то образом, кажется в Екатеринбурге, ей все же удалось раздобыть порядочный мешочек кофе и мешок муки. Все это она

спрятала в нишу за высоким зеркалом в передней квартиры, которую они тогда занимали. До глубокой старости она с замиранием сердца вспоминала солдат, которые неожиданно нагрянули с обыском. К счастью, заглянуть за зеркало они не догадались. Бабушкины запасы и жизнь семьи были спасены.

Вернувшись в Москву, дед получил ордера на осмотр жилплощади. Бабушка съездила в их бывшую квартиру в Лихоборах и пришла в ужас от перспективы остаться на зиму без дров в промерзшей квартире. После этого она поехала в коммунальную квартиру на Покровке.

Там было тепло, на кухне приветливо гудели керосинки и примусы. Деду в этой квартире предоставили две комнаты. В них бабушка с семейством, а потом и присоединившаяся к ним моя мама прожили больше 40 лет.

Сереза Юров и няня Ксюша, 1918

Несмотря на все невзгоды жизни в коммуналке, эвакуацию и постоянную борьбу за существование в последующие годы, бабушка неизменно сохраняла оптимизм, большой интерес ко всему происходящему (в последние годы особенно к политике) и неистребимые установки 19 века: дама должна иметь хотя бы одно «струящееся» платье; сумку надо держать на сгибе руки, а не в руке; сережки с глазками годятся только для «горняшек» (горничных); в гостях надо доедать все, что положено на тарелку; в дубленке становишься похожей на машиниста; кофе надо покупать в зернах в «Чаеуправлении» на Мясницкой, а если чего-то нет в магазинах, это наверняка можно купить «у баб на рынке». До сих пор у меня вызывает содрогание, когда интеллигентные милые мамы на людях спрашивают своих деток: «Ты писать или (еще того хуже) какать хочешь?» Столь же отвратительным представляется и обращение «женщина».

Мария Павловна Юрова, 1955

Когда мы еще жили на Покровке, бабушка как-то раз сидела в комнате за швейной машинкой. На пороге появилась домработница Маша и объявила, что там «какая-то спрашивает Веру Матвеевну». Не поворачивая головы, бабушка поинтересовалась: «Кто? Женщина или дама?» Маша не растерялась, она мгновенно оценила всю глубину вопроса и ответила: «Женщина, хотя и с портфелем». Женщина оказалась доцентом кафедры иностранных языков МЭИ М. Э. Бахчисарайцевой, автором пособия по английскому языку для студентов энергетических вузов, которое до сих пор не утратило своей популярности и было переиздано последний раз в 2010 году.

Сама бабушка оставалась настоящей дамой все 98 лет, которые она прожила. Все окружающие как-то инстинктивно ощущали это и относились к ней всегда с подобающим уважением.

Ул. Чернышевского, д. 10, кв. 38, тел. К7-87-19

Наш дом стоял во дворе на углу улицы Чернышевского (Покровки) и Покровского бульвара. Наискосок от входа в наш двор, на втором этаже двухэтажного дома находился кинотеатр «Аврора», а напротив – сначала трамвайное кольцо, а потом стоянка такси. Именно в этом месте в марте 1953 года кончалась очередь желающих проститься со Сталиным. Мы с мамой шли домой, и она, правда без особого энтузиазма, предложила тоже встать в эту очередь. Стоять в длинной очереди мне не хотелось, я решительно воспротивилась и, возможно, спасла жизнь нам обеим, потому что в давке на Трубной площади погибло в тот день множество народа.

До революции наш дом и дворовые постройки принадлежали купцу Н. И. Оловянишникову, который обеспечивал «предметами культа» (ризами, окладами, паникадилами, иконами и т. п.) почти всю Россию, но особенно он любил колокола и даже опубликовал две книги по исследованию колокольного дела. Как памятник этому увлечению в нашем дворе долгое время стоял маленький домик без окон с толстенными стенами. По рассказам старожилов, в нем испытывали звучание колоколов. В наше время там была сначала керосиновая лавка, а потом какой-то склад.

До революции квартиры в доме Оловянишникова отдавались внаем, а после, естественно, превратились в коммунальные. Наш дом был выстроен с купеческой основательностью: стены были толщиной около метра, и в детстве я летом спокойно загорала на подоконниках. На наш второй этаж вела ажурная чугунная лестница. Высота потолков была около четырех метров. Комнаты

отапливались высокими белыми кафельными печами. Зеркало печи и вьюшки выходили в комнату, а дверцы для загрузки дров – в коридор, чтобы кухонный мужик мог выполнять свои обязанности, не мешая хозяевам. Все печные дверцы были литые чугунные с разнообразными античными сюжетами, которые я очень любила рассматривать. Еще одним интересным занятием было пристальное вглядывание в паркет, выложенный большими кубиками, которые, если на них пристально смотреть, переворачивались то вверх, то вниз.

Гости у Юровых на Покровке. Стоят слева направо: сестра деда - Таисия Федоровна, Галина Ясинская. Сидят: бабушка, Зинаида Семеновна Онохриенко, дед. На переднем плане - Василий Ипатьевич Онохриенко (врач-отоларинголог, заведующий сурдологическим отделением Центральной поликлиники слуха и речи), ок. 1925 года

Весной появлялся еще один источник развлечений. Дело в том, что окно моей комнаты, в отличие от остальных окон, было до по-этого дома была щель шириной 15–20 см и глубиной, равной половине высоты окна, поскольку снизу она ограничивалась отливом моего окна. Как только мартовские коты заводили свою военную песню где-то наверху, на коньке крыши, я сразу бежала в свою комнату, чтобы быть на месте ко времени развязки. Немного попев, коты вцеплялись друг в друга и, потеряв всякую осторожность, с грохотом катились по скату железной крыши. А на краю их ожидала моя коварная щель, в которую они проваливались с душераздирающим воплем, пролетали до отлива, ударялись об него и с диким воем, позабыв о своих распрях, выскакивали обратно на крышу и разбегались в разные стороны.

Были у нас и свои коты: три поколения Микешек, но после того, как украли последнего, самого красивого и беззлобного из них – черного Мику с белым галстучком, больше котов мы не заводили. Зато бесхозные кошки время от времени накапливались на коммунальной кухне в значительных количествах. Однажды, когда численность кошачьей популяции превысила все пределы, бабушка с домработницей Машей, потеряв терпение, задумали враждебную акцию. Выждав, когда на кухне никого не было, они распахали всех кошек по двум хозяйственным сумкам, довели их на трамвае до конца маршрута, вытряхнули из сумок в чей-то подъезд и быстро закрыли дверь (наверное, для того, чтобы кошки не могли проследить, на каком трамвае их привезли). Дома наши преступницы еще долго лицемерно осведомлялись, куда это подевались всеобщие любимцы.

Как-то в разговоре с одним молодым знакомым случайно были упомянуты коммунальные квартиры. Он

призадумался и сказал: «Да, я как-то был в одной коммунальной квартире». В наше время такая фраза была совершенно немыслима, потому что в коммуналках жили все, а отдельные квартиры были, напротив, редчайшим исключением. Стержнем нашей коммунальной квартиры был длинный коридор, по которому дети катались на велосипеде. В коридор выходили все многочисленные комнаты, в которых обитало восемь семей. Там же висел на стене классический черный телефон, номер которого я помню до сих пор: К7-87-19. Правда, пользование им было весьма ограниченным: договориться о встрече, узнать уроки. Стоило разговору чуть-чуть затянуться, за спиной начинали бродить желающие позвонить или ожидающие звонка. Уборка мест общего пользования осуществлялась по очереди в зависимости от количества жильцов. На довольно большой кухне стояло соответствующее числу семей количество столиков, на которых сначала располагались керосинки и керогазы. Потом провели газ. Ванна тоже появилась не сразу. Сама она, правда, была, но пользоваться ей начали только после установки газовой колонки. Туалет был, естественно, один, и по утрам туда образовывалась очередь, которая тогда никого не смущала.

Больших скандалов среди населявшей квартиру разношерстной публики не было, но и идиллической дружбы с взаимопомощью и совместными праздниками, о которой теперь некоторые люди вспоминают с ностальгией, не наблюдалось. Дети тоже не дружили, но и не враждовали. Кроме меня, их было четверо: две девочки Галущенко и близнецы Ермолаевы-Фрисман. У близнецов, как это ни странно, были разные фамилии, и вот как это получилось. Когда началась война, мама близнецов – Галина Павловна, как раз была в положении. Отца призвали в армию, и они договорились, что, если родится девочка, она получит фамилию отца

Фрисман, если мальчик, фамилию матери – Ермолаев. Отец погиб на фронте, а родились двойняшки: мальчик и девочка. Так они и стали Боря Ермолаев и Леночка Фрисман. Их мама Галина Павловна была опытной косметичкой, и все дамское население квартиры «наводило у нее красоту».

В комнате Ясинских. Слева направо: Елизавета Кирилловна Ясинская: Зинаида Николаевна Галущенко и моя бабушка, 1959

Иногда у нас появлялись «временные» дети. Это происходило, когда дочь Елизаветы Кирилловны министерский работник Галя приводила какого-нибудь очередного мужа с ребенком. Но долго эти мужья и дети

не задерживались. Мой папа и Галя были приблизительно одного возраста, оба выросли в этой квартире, и на этой почве между их мамами – моей бабушкой и Елизаветой Кирилловной установились несколько более дружеские отношения, чем между остальными соседями. Время от времени они ходили друг к другу пить чай, причем Елизавета Кирилловна попивала чаек из нашего самовара. Когда мы уехали в эвакуацию, он остался вместе с другим имуществом в наших комнатах. Одни из наших соседей решили воспользоваться моментом, собрали приглянувшиеся им вещи по всем оставленным жильцами комнатам и стали их пропивать в ожидании прихода немцев. Несмотря на военное время, а может быть, именно благодаря этому, их деятельность очень быстро прекратили, все семейство то ли посадили, то ли выслали, а вещи отобрали. Наш самовар они, по-видимому, успели продать Елизавете Кирилловне, и так он у нее и остался. За очередным чаепитием Елизавета Кирилловна доверительно говаривала бабушке: «Я, Мария Павловна, конечно, знаю, что это ваш самовар, но так к нему привыкла, что просто никак расстаться не могу».

В самом конце коридора жила скромнейшая и тишайшая Шура, работавшая швеей на какой-то фабрике. После того как мой папа в первый раз съездил в командировку за границу, вся квартира, естественно, пришла в большое волнение, а Шура, напротив, погрузилась в глубокую задумчивость. Через некоторое время она все-таки сформулировала вопрос: «Сергей Гаврилович, вот вы во Франции были. А что, правду говорят, что там никто нашего языка не знает и все только по-французски разговаривают?»

Напротив наших комнат жила малюсенькая старушка Ревекка с внуком Зюкой. Ее дочь Раю посадили по неизвестной причине еще до войны, и Ревекка из сил выбивалась, холя и лелея ненаглядного Зюку. Бабушка

соседку жалела, но не одобряла за бестолковость и безудержное баловство внука. Время от времени к Ревекке приходила ее родственница Соня, она выходила на общественную кухню и развлекала всех чтением анекдотов из своей записной книжки. Эта записная книжка была ее основным орудием труда, поскольку она зарабатывала тем, что ходила по квартирам и уговаривала жильцов отдать увеличить свои фотографии. Для этого она разработала специальную стратегию, включавшую в себя анекдоты как обязательный элемент. Думаю, что ее метод был очень близок к тому, что рекомендует Карнеги, а кое-что она могла бы, наверное, к его наставлениям и добавить, поскольку для того, чтобы в послевоенное время заставить людей раскошелиться на увеличение фотографий, надо было быть настоящим виртуозом. После смерти Сталина вернулась Рая. Выглядела она старше своей матери, непрерывно курила и виртуозно ругалась.

В ближайших к входной двери комнатах жила чета Вулкановых: Катя и алкоголик Сергей. Катя была намного старше Сергея и проводила жизнь в тщетных попытках отучить его от пьянства. Однажды она решила, что ему может помочь какое-нибудь коллекционирование. Супруги стали собирать спичечные этикетки, но это средство оказалось слишком слабым. Катя была не лишена некоторой доли кокетства. Понаблюдав за тем, как одевается моя мама, она объявила на коммунальной кухне, что ничего хитрого тут нет и она может выглядеть ничем не хуже. Для этой цели она купила голубые носочки с зеленой каемочкой и белый нитяной вязаный берет. Надев все это, она ощутила себя на вершине элегантности и больше о своей внешности не беспокоилась. Уже после нашего отъезда Сергей повесился в дровяном сарае, а Катя умерла от ожогов, сунув голову в горящую духовку.

В 1960 году папе наконец дали трехкомнатную квартиру в хрущевской пятиэтажке на проспекте Мира, дом 188. Мама ликовала. В день переезда она первая покинула нашу коммуналку, сказав, что ее ноги больше там не будет. Она действительно больше ни разу не зашла в нашу бывшую квартиру. Мы постепенно перетаскивали все наше барахло, а мама вошла в пустую новую квартиру, бросила в угол шубу, села на нее и руководила нашими действиями из этого командного пункта. По-моему, после 43-летнего кошмара коммунальной квартиры это более чем скромное жилище доставило ей гораздо больше радости, чем великолепная (по тем временам) квартира на Фрунзенской набережной, куда мы переехали через восемь лет. При переезде с Покровки мама стремилась взять с собой в новую жизнь как можно меньше вещей из старой квартиры. Мы с папой ее понимали и не очень сопротивлялись, когда в сарае были оставлены подшивки популярного в начале века журнала «Живописная Россия», тома Брэма «Жизнь животных» и атласы по античной истории. Единственной позицией, по которой мы проявили полное единодушие и принципиальность, была энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Все 80 с лишком томов были перевезены сначала на проспект Мира, а потом и на Фрунзенскую набережную. До сих пор они являются для нас ценнейшим источником информации, вполне способным конкурировать с Интернетом.

Кофточка с обезьянкой

На дне одного из глубоких ящиков старинного поставца лежит суконная детская кофточка с аппликацией в виде маленькой обезьянки. История этой скромной одежды связана с историей маминой семьи.

У маминого отца, Матвея Иосифовича Миримова, на центральной улице в Казани был магазин головных уборов и при нем мастерская. В этой мастерской изготавливали в основном меховые шапки и форменные фуражки, которые в то время должны были носить многие: от гимназистов до чиновников различных ведомств. Самым трудным элементом фуражки считалась узенькая выпушка (цветной кантик между околышем и тульей и по краю тульи) шириной не более 1-2 мм. Шили эту выпушку, разумеется, вручную, и по тому, насколько она была ровной, судили о качестве работы. Мой дед и его двоюродный брат, который тоже был мастером по изготовлению фуражек, устраивали время от времени соревнования, у кого ровнее получается выпушка. По семейному преданию, побеждал большей частью наш дедушка. Впрочем, возможно, что в семье его кузена на этот счет придерживаются другой точки зрения. Во всяком случае, и у того, и у другого работа шла хорошо. В мастерской деда трудились несколько рабочих, а в магазине за кассой сидела моя бабушка Мария Ефимовна – элегантная блондинка с голубыми глазами, что также немало способствовало успеху предприятия.

Семья Миримовых располагалась в большой, хорошо обставленной квартире в Александровском пассаже. На камине стояли черные мраморные часы, показывавшие не только время, но и дни недели, и дату. Они сохранились, но, несмотря на все наши усилия, ходить

не желают. У детей – Веры (моей будущей мамы) и ее младших братьев Лёвы и Гриши, была гувернантка немка Маргарита Рудольфовна. Детей водили в частный детский садик. С ним связан драматический эпизод: из передней была похищена мамина новенькая котиковая шубка. Пришедшая за ребенком Мария Ефимовна, не устроив никакого скандала, завернула дочку в пальто, которое одолжила директриса сада, и отвезла ее домой. Лет через двадцать пять мама встретила эту директрису на какой-то педагогической конференции. Сначала директриса никак не могла вспомнить свою бывшую воспитанницу, но, когда в разговоре была упомянута украденная шубка, сразу подобрела и сказала: «Какие у тебя благородные родители!»

Кофточка с обезьянкой

Матвей Иосифович и Мария Ефимовна Миримовы,
1907

Маме 1 год

Эта идиллия закончилась в 1918 году, когда в Казани окончательно утвердилась власть большевиков. И хотя дед был первым, кто наладил в городе изготовление буденовок, он разделил участь всех «богачей»: магазин и мастерскую опечатали и объявили, что отныне все принадлежит народу. Тем не менее под покровом ночной темноты с черного хода, который опечатать не догадались, настоящие хозяева все-таки ухитрились вынести и припрятать у многочисленных родственников несколько штук сукна и кое-что из мехов. Дедушку выслали, предварительно экспроприировав все, что было ценного в квартире. При этом дележ добычи происходил тут же, на глазах у детей. Победившие пролетарии рассовывали по карманам золотые часы, цепочки, брошки, выронив только одну из дедушкиных запонок. Эта запонка была изготовлена в виде первой буквы дедушкиной фамилии – «М». Дед оставил ювелиру

свою подпись, и тот в точности воспроизвел «М» из золота и мелких хризолитов. Позже одинокая запонка была преобразована в брошку.

Маме 2 года, (котиковая шуба, по-видимому, еще не сшита)

Вера, Лёва и Гриша Миримовы с Маргаритой Рудольфовной, 1914-1915 годы

Выпускной класс экспериментальной школы при Казанском университете. Первая справа сидит – Евгения Гинзбург, третья справа сидит на земле – мама, 1928

Из Казани все семейство – бабушка и трое детей – в конце 1920-х годов вынуждено было уехать. Мама успела к тому времени окончить школу в Казани. Это была просуществовавшая очень недолго экспериментальная школа при Казанском университете. Там преподавали университетские профессора, а обществознание вела Евгения Гинзбург – мать Василия Аксенова и автор известной книги «Крутой маршрут». Некоторые предметы вообще отсутствовали. А профессор химии пришел в класс, увидел своих будущих учеников и, сказав: «Я этих сопляков учить не буду!», развернулся и ушел. Так мама и прожила всю жизнь, ничего не зная об этом предмете, но большой ущербности, по-моему, от этого не чувствовала. Школу закрыли после того, как Луначарский назвал ее «буржуазной заводью».

Поступить в вуз в Казани маме не удалось, поскольку она честно написала в анкете, что происходит из буржуазной семьи. Наученная горьким опытом, она уехала в Ленинград и поступила там в институт иностранных языков им. Герцена, слегка скорректировав свое происхождение. Приняли ее сразу на второй курс в связи со свободным владением немецким, закрыв при этом глаза на несоответствие этого факта с пролетарским происхождением. Иногда «буржуйская» закваска все-таки давала себя знать, и однажды мама неосмотрительно пришила к своей повседневной кофточке белый воротничок, за что и была «прохвачена» в институтской стенгазете. Поступил в институт и дядя Лёва, а баба Маня с младшим сыном приютилась в деревенской избе где-то в Подмосковье.

Время было голодное и холодное, и спасенные во время революции запасы меха и сукна очень пригодились. Время от времени из них что-нибудь изготавливалось для всего семейства. У нас долгое время хранились юбка из сукна цвета «жандарм» и мамин берет из темно-зеленого сукна. Закончились эти запасы только после войны, когда дедушки уже не было в живых. Один из последних остатков синего сукна был употреблен в конце войны на изготовление для меня кофточки. Эту кофточку украшали красный суконный воротничок и маленькая, вырезанная из того же красного сукна обезьянка. Обезьянку нарисовал мамин младший брат Гриша. По тем временам это был шикарный наряд, и меня отвели в нем сфотографироваться, по семейному преданию, к знаменитому Наппельбауму. Мне эта фотография, в отличие от всех последующих, всегда очень нравилась, а вот мама почему-то осталась недовольна и даже сказала Наппельбауму, что он изуродовал ребенка.

Лена Юрова, 1945

Лет через пятьдесят эта фотография и чудом сохранившаяся кофточка были извлечены на свет божий в качестве материала для будущей книги Саши Васильева, который собирался писать об истории советской моды. Заодно была рассказана и история с фотографией. К моему большому изумлению, Саша немедленно все объяснил: «Ваша мама была совершенно права, – сказал он. – Посмотрите, ведь на фотографии обезьянка видна в зеркальном отображении. Значит, при печати пленка была поставлена не той стороной. А поскольку у всех людей лица немного асимметричны,

ваше зеркальное отображение получилось,
действительно, непохожим».

Открытка с фотографией Греты Гарбо

В нашем семейном архиве хранится немецкая открытка с фотографией Греты Гарбо. С ней связана необычная история, которую придется начать издалека.

Окончив институт иностранных языков им. Герцена в Ленинграде, мама переехала в Москву и в 1931 году начала свою педагогическую деятельность в МЭИ, где и проработала 42 года с кратким перерывом на эвакуацию.

В это время маме было всего 22 года, и студенты, особенно рабфаковцы, были зачастую значительно старше ее. Наверное, многие из них проявляли интерес к молоденькой преподавательнице.

Однако наибольшую настойчивость проявил Сережа Юров, успевший к тому времени окончить ФЗУ (фабрично-заводское училище) и поступить в МЭИ. Получить рабочую специальность было в то время необходимо все по той же причине: детей служащих в вузы не принимали так же, как и потомков прочих паразитических классов. Студент Юров на всю жизнь запомнил тот день, когда, зайдя на кафедру иностранных языков, увидел сидящую в непринужденной позе тоненькую элегантную даму в зеленом берете на пышных вьющихся волосах. Она что-то рассказывала, а все окружающие ловили каждое ее слово.

Сергей Гаврилович Юров, 1932

Вера Матвеевна Миримова, 1930

Первые студенты, 1931

Родители поженились в 1937 году, в 1939-м появилась на свет я, а папа защитил с отличием диплом и начал работать во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ). Все студенческие годы папа увлекался альпинизмом и достиг в этом виде спорта вполне серьезных результатов. Но в 1939-м или следующем году во время очередного восхождения он упал в глубокую расщелину и едва не потерял ногу. Ко времени начала войны он передвигался только с палкой, но и это ему стоило большого труда. Поэтому научный сотрудник Юров вместе со своим институтом отправился в эвакуацию в Свердловск, где занялся разработкой прожекторов для нужд фронта. Это время подробно описано в его дневниках, которые папа вел с 1942 по 1948 год.

Папины дневники 1942-1948 годов изданы отдельной книжкой «Дневники С. Г. Юрова» (М.: Кругъ, 2010).

В Свердловске папа жил в лаборатории, где и работал, а мы с мамой и бабушкой были оставлены в Красноуфимске, поскольку в Свердловске найти жилье было совершенно невозможно. Первый год жизни в эвакуации был очень тяжелым: хозяйка всячески нас третировала как московских бездельников и нахлебников. Пропитание было чрезвычайно скудное, дров не было. На следующий год счастье нам улыбнулось, и в Красноуфимск был эвакуирован Харьковский механико-машиностроительный институт. У них отсутствовал заведующий кафедрой иностранных языков, и в 1942 году мама наконец обрела работу. Отношения с хозяйкой сразу потеплели, а когда к Новому году институт выделил маме живого поросенка, стали самыми сердечными. Несмотря на заметное улучшение нашего благосостояния, в начале 1943 года я

тяжело заболела. В Красноуфимске, кроме военного госпиталя, практически никакой медицины не было, и детский врач, случайно там оказавшийся, посоветовал везти меня в Москву. К тому времени в Москву уже вернулся мой дед, который и оформил вызов мне и бабушке. В то время возвращение в столицу без вызова строго каралось. Вскоре в Москву переехал вместе с ВЭИ и папа. А маму еще несколько месяцев не отпускали с работы, поскольку ее институт не мог покинуть Красноуфимск до освобождения Харькова.

Лена Юрова. Красноуфимск, 1942

От пребывания в Красноуфимске никаких «сувениров», естественно, не осталось, кроме моей детской фотографии 1942 года.

В конце войны и сразу после ее окончания наступило время законных и не совсем законных репараций. Из Германии государство вывозило оборудование целых заводов, архивы, культурные ценности, а советские граждане просто везли кто что мог взять в нищий, разоренный советской властью и войной Советский Союз.

В 1945–1946 годах я еще в школу не ходила. У меня была единственная подружка Ирочка Бурзи. Наши бабушки водили нас вместе гулять, и мы по очереди ходили друг к другу в гости. Ирочка хотела стать балериной, а я астрономом, хотя и на балерину тоже иногда соглашалась. Кукол у нас практически не было, играли с довоенным пупсом и котом Микешкой. Но вот однажды из Германии вернулся Ирочкин папа, который работал там переводчиком. При нас начали распаковывать его многочисленные чемоданы. В каждом чемодане было что-то невероятно прекрасное. Я запомнила чемодан с чулками и еще один с искусственными цветами. Но самым восхитительным были, конечно, детские книжки и игрушки. Нам особенно полюбилась книжка-раскладушка, в которой кудрявая пухленькая девочка играла со своими куклами: она стирала белье, готовила, вызывала к ним доктора. Наши игры были очень далеки от этого идеала, но само его существование «меняло жизнь к лучшему». К какому-то празднику родители Ирочки тоже подарили мне немецкую куклу. У нее были закрывающиеся глаза, кудрявые черные волосы, за беленькими зубкамидвигающийся розовый язычок, а при покачивании она говорила «мама». На ней было надето великолепное атласное платье, а на голове незабываемый салатный

чепчик с оборкой. Его я время от времени примеряла и на кота, что он терпел совершенно безропотно.

Еще одно соприкосновение с западной культурой произошло уже в школе. Когда я училась в третьем классе, у нас появилась новая девочка – хорошенькая Таня Белоусова. Ее отец тоже работал переводчиком в наших оккупационных войсках в Австрии, и они только что оттуда вернулись. Весь класс с восхищением разглядывал толстенькие тетради в плотных розовых обложках и пухлые ластики, которые действительно стирали, а не рвали бумагу. Жили Белоусовы в Зарядье в каком-то доходном доме, построенном для бедноты, в двух узких и мрачных комнатах. Там мы с Таней извлекали вечерние туалеты ее мамы, наряжались в шелковые и бархатные платья, расшитые блестками, и воображали себя неземными красавицами.

Но главным послевоенным событием в нашей семье была поездка в Германию моего папы, Сергея Гавриловича Юрова. Он к тому времени уже защитил диссертацию и по-прежнему работал в ВЭИ. Его и еще одного сотрудника института, его близкого друга – Ефима Самойловича (Фимочку) Ратнера, сразу после окончания войны командировали в Германию, чтобы они вывезли оборудование заводов Цейса. Хотя они и были людьми сугубо штатскими, для солидности им присвоили какие-то воинские звания и распорядились предоставить в их распоряжение целый эшелон. Германия лежала в руинах, отношение к нашим военным было не самое доброжелательное, приходилось постоянно быть настороже, следить за тем, чтобы не скрыли и не испортили какое-нибудь оборудование. Запомнился только один рассказанный папой эпизод. Когда они вдвоем с Фимой были на каком-то заводе, им захотелось пить, и они попросили у немцев воды. Один из немцев удалился и довольно долго не возвращался. У обоих появилось подозрение, не подмешивает ли он

чего-нибудь в воду. Тем не менее принесенную воду они мужественно выпили, и их подозрения, к счастью, не оправдались. В Германии они по своим делам общались с заведующим складом трофейного имущества. Он чрезвычайно расположился к командированным, привел их на склад и предложил выбирать из хранившегося там имущества что душа пожелает. До сих пор помню папино описание этого склада: громадный ангар с уходящими куда-то вдаль полками, плотно уставленными всяким добром. Несмотря на щедрость начальника и наличие эшелона, папа взял только полевой бинокль, который у нас хранится до сих пор.

Моя мама достаточно хорошо знала папин характер и отчетливо представляла себе, что он будет заботиться только о порученном ему деле. Все же она была несколько обескуражена скудностью привезенных им подарков. Это был вышеупомянутый бинокль, немецкий энциклопедический словарь *Duden*, несколько немецких детективов, ночная рубашка и набор маленьких цветных репродукций картин знаменитых художников. Репродукции мне очень понравились, я их перебирала бесконечно, играла с изображенными на них персонажами и, наверное, именно тогда начала понимать прелесть ренессансных портретов и пейзажей импрессионистов. Везти с собой немецкие книги было делом рискованным, потому что разрешалось провозить все, кроме любых печатных изданий, поскольку они могли быть источником враждебной идеологии. Тогда сажали за гораздо более мелкие преступления, чем контрабандный ввоз на территорию СССР фашистской литературы. Но моя мама была преподавателем немецкого языка, для нее эти книги и словарь были, естественно, настоящим сокровищем, и папа умудрился провезти их через все пограничные кордоны. Голубая трикотажная ночная рубашка долгое время представлялась мне самым прекрасным швейным

изделием в мире. Она была, действительно, исключительно лаконична и элегантна: спереди у нее был глубокий запах, а на талии широкая, выстроченная сеткой резинка, от которой начиналась длинная, до полу, юбка. По фасону она очень походила на модные тогда вечерние платья. Сходство ночных рубашек того времени и парадных платьев послужило основой ходивших тогда везде слухов о том, как жены наших офицеров появились в Германии в театре в ночных рубашках.

Мама, 1945

Грета Гарбо, 1940-е годы

А самым лучшим привезенным папой подарком неожиданно оказалась обыкновенная открытка. Однажды, будучи в Германии, он заблудился и решил спросить дорогу. Подойдя к ближайшему дому, папа постучался. Дверь была приоткрыта, но никто не ответил. Тогда он открыл дверь и увидел пустой дом, весь пол которого был покрыт брошенными в спешке бумагами, документами, письмами, фотографиями, открытками. Каково же было его изумление, когда среди этого хлама он увидел валяющуюся на полу мамину фотографию! При ближайшем рассмотрении это оказалась открытка с изображением снятой в профиль Греты Гарбо. Гладко зачесанные назад волосы с пучком на затылке, черты лица, взгляд – сходство было просто

поразительным. Эта открытка долгое время лежала у нас под стеклом на письменном столе, и все приходившие к нам в дом спрашивали: «Верочка, кто это вас так удачно сфотографировал?»

Мама, 1926

Грета Гарбо

Позднее мы посмотрели несколько фильмов с Гретой Гарбо и убедились, что они с мамой отнюдь не были двойниками. Тем не менее нашлись еще две фотографии, на которых проглядывает их определенное сходство. Возможно, было у них нечто общее и в характерах. Судя по биографии актрисы, ей были присущи независимость суждений и поведения, а также негибаемая сила воли. Конечно, мама была совершенно другим человеком, но эти черты у нее были, безусловно, ярко выражены. Сегодня на нашем секретере в черной рамке стоит мамина фотография именно в том развороте, в котором была запечатлена когда-то Грета Гарбо.

Кроме того, в Интернете я обнаружила, к своему удивлению, что наша открытка отнюдь не является общеизвестной. Среди сотен изображений кинодивы не нашлось ни одной идентичной фотографии.

Наши наряды

Впервые годы советской власти народу усиленно внушали, что передовая женщина не должна интересоваться нарядами, а думать лишь о победе коммунизма. Эта мысль поддерживалась не только теоретически, но и подкреплялась практически постоянным дефицитом всех товаров, в том числе относящихся к моде. Несмотря ни на что, стремление женщин быть модными и красивыми не удалось ни подавить, ни даже ослабить. Оно выживало в любых обстоятельствах. Примером тому может послужить маленькая история, рассказанная мне однажды моей двоюродной сестрой Аллочкой.

Еще в эпоху развитого социализма она надумала сшить себе платье и отправилась в ателье. Тогда эти заведения пользовались большим успехом, и, чтобы там сделать заказ, надо было отстоять порядочную очередь. Вот в этой очереди Аллочка и заприметила озабоченную пожилую женщину. Она все время повторяла, что давно хотела заказать себе серую юбку и розовую блузку, но никак не могла собраться, а теперь вот она, наконец, осуществит свою мечту. Чувствовалось, что исполнению этого желания она придает какое-то особенное значение. Аллочка расспросила ее и узнала, что во время войны эта женщина, будучи восьмилетним ребенком, была увезена в Германию. Там она работала вместе еще с несколькими такими же девочками на небольшой фабрике. В их задачу входило до и после работы, а также во время обеденного перерыва убирать в цеху. Особенно их не притесняли, но жилось им, конечно, несладко. И вот на фоне этой скудной жизни, когда они в своих синих халатиках мели цех во время обеденного перерыва, каждый день наверху на

галерее появлялось прекрасное существо не из этого мира – молоденькая хорошенькая хозяйская дочка в серой юбке и розовой блузке. Она несла обед хозяину, а несчастные девчонки провожали ее глазами, мечтая когда-нибудь стать такими же красивыми и нарядными. Они дали друг другу обещание, что, если вернутся домой, обязательно сошьют себе такие же юбку и блузку. Прошло почти пятьдесят лет, прежде чем одна из этих девочек смогла его выполнить.

Надо сказать, что наше поколение тоже испытало на себе все «прелести» борьбы за красоту и моду в советских условиях.

Мое нелюбимое пальто, 1953

Во время обучения в школе к нарядам я относилась довольно равнодушно, но идеал элегантности все-таки существовал и в моем воображении. Это было мамино пальто цвета «жандарм», длинное, с подкладными плечиками и с очень узкой талией. К нему надевалась еще маленькая шляпка. Я в это время ходила в тихо ненавидимом мною прямом пальто песочного цвета с поясом и цигейковым воротником. Мои мечты вырасти и наконец надеть замечательное пальто так и не осуществились, потому что, пока я росла, оно вышло из моды.

В сороковые и пятидесятые годы в холодный сезон носили ботинки на утепленной подкладке, которые надевали прямо на туфли. С этими ботинками связан забавный эпизод, о котором долго помнили в нашем семействе. Однажды мама очень торопилась на работу. Накинув пальто и сунув ноги в стоявшие наготове ботинки с туфлями, она убежала из дома и вскочила в трамвай. Там она заметила, что на нее все внимательно поглядывают, но приписала это своей красоте. Только придя в институт, она обнаружила, что у нее на ногах ботинки разного цвета и фасона: один – короткий коричневый, другой – высокий черный. Сначала она не придавала этому особого значения, потому что в институте их все равно надо было снять. Но тут она вспомнила, что в коричневых ботинках у нее были вставлены коричневые туфли, а в черных – черные. Появляться перед студентами в разных туфлях и стать мишенью их остроумия очень не хотелось. Выручила секретарша кафедры: она как раз в этот день принесла на работу новые лакированные туфли, чтобы кто-нибудь их разносил. Тогда еще помнили о том, что женская ножка должна быть маленькой, и сознательно покупали обувь на полразмера или целый размер меньше, а потом разносили их сами или поручали пройти через эти муки кому-нибудь другому. Вот таким образом маме и

повезло, причем довольны остались обе: мама весь день проходила в новеньких одинаковых туфлях, а секретарша получила обувь, готовую к употреблению.

Первые импортные платья мы увидели весной 1956 года, когда я заканчивала школу. Выстояв немаленькую очередь в магазине на ул. Кирова (ныне Мясницкой), мы с мамой стали счастливыми обладателями шести венгерских платьев (наверное, давали по три платья в одни руки, и мы закупили по максимуму). Платья были летние, поплиновые, с модными тогда рукавами «японка» и широченной юбкой в сборку. Одно из этих платьев было надето на выпускной вечер. Оно было, естественно, белым, потому что тогда существовало множество незыблемых правил, касающихся школьной одежды.

Выпускное платье должно было быть белым, в школу можно было ходить только в форме: коричневое (темно-синее или темно-зеленое) платье с белым воротничком и манжетами, черный фартук по будням, белый – в праздничные дни; на голове должны были быть косички, а на ногах – чулки в резинку. В этих злосчастных чулках приходилось ходить в любую жару. В таком виде мы сдавали и выпускные экзамены. И вот, после последнего экзамена, когда все школьные законы для нас стали уже недействительными, я быстро побежала домой и надела восхитительные эластичные носочки, которые папа только что привез из Франции. В них я, чувствуя себя образцом европейской элегантности, отправилась обратно в школу, чтобы узнать об отметках, которые объявляли только после конца экзамена. Не помню, чтобы какой-либо наряд позднее доставлял мне такое же удовольствие.

В том же 1956 году после окончания школы и поступления в институт мы с папой решили отправиться в Каргополь. Тогда только что начали появляться женские брюки, и я вознамерилась ехать в брюках. Папа

безжалостно пресек эту инициативу, сказав, что за мной будут бегать мальчишки и бросать в меня камнями. Таким образом, я отправилась в наше путешествие в скромной юбке и куртке, к которым еще были куплены кирзовые сапоги для удобства и колорита. Мальчишки на меня все-таки пальцами показывали, потому что перед отъездом мне сделали только что вошедшую в моду стрижку «под мальчика».

С брюками боролись еще долго. В 1964 году, когда мы поехали вместе с родителями на Север, в Котласе меня не пустили в брюках в ресторан. К счастью, мы только что перед этим купили хорошенький ситцевый халатик. На мой вопрос, можно ли в ресторан в халате, привратник ответил утвердительно; и, надев под лестницей халат прямо поверх брюк, я гордо прошествовала в это шикарное заведение. С такими же строгостями мы столкнулись в конце 1970-х годов, когда на экскурсии в Печерский монастырь под Псковом нам было объявлено, что женщин в брюках туда не пускают. Запрет был совершенно бессмысленным, потому что стояли трескучие морозы и поверх брюк на всех дамах были надеты шубы и зимние пальто, полностью скрывавшие все соблазны. Тем не менее нам с подругой пришлось брюки подвернуть, а про наших девчонок мы сказали, что это мальчишки. Насколько я понимаю, в области религиозной все эти запреты воскресли в наши дни с удвоенной силой. Например, не так давно какие-то раздраженные тетки накинулись на нас с внучкой Кирой за то, что мы зашли в церковь в перчатках.

В середине 1950-х годов в нашем обиходе появились китайские товары, и в частности бамбуковые зонтики, перекочевавшие теперь в антикварные магазины. По-видимому, тогда же магазины наполнились довольно топорными, но исключительно прочными изделиями китайской фирмы «Дружба»: мужскими рубашками, брюками, плащами, женскими вязаными кофточками и

т. п. Последние представители этого поколения – брюки моего мужа Володи – закончили свои дни в нашей деревне, прослужив ему верой и правдой не меньше 30 лет.

Зонтик и веер. Китай, 1950-е годы

Яркие воспоминания того времени связаны с «настоящими привозными» вещами. Обычно они приобретались из-под полы в комиссионных магазинах, но иногда кое-что перепадало и другим путем. В 1957 году во Францию поехал муж маминой ближайшей подруги Екатерины Алексеевны Дютель (тети Кати). В

тряпках он не соображал ничего, и поэтому ему были даны подробнейшие инструкции, что и какого размера нужно купить. Но, как известно, «красота – это страшная сила», и, прогуливаясь по улицам Парижа, он вдруг увидел в витрине платье, против которого устоять не смог. В результате своей немолодой и довольно корпулентной супруге он купил платье 46-го размера, сделанное из темно-серого материала в дырочку, имитирующего шитье. Сквозь дырочки просвечивал чехол из розового атласа. Фасон был самым модным: вырез – «лодочка», короткие рукава «японка», отрезной, обтягивающий по талии лиф и широкая, сложенная бантовыми складками юбка. Под чехлом была еще крахмальная нижняя юбка. Никакая переделка не смогла бы приспособить этот туалет к тете Кате, и он был отдан мне в своем исходном состоянии. Надела я его, по-моему, всего один раз на институтский весенний бал, но зато от произведенного этим платьем эффекта получила полнейшее удовольствие.

Мама. Архипо-Осиповское, 1954

В привилегированном положении, кроме дипломатов, работников торгпредств, особо надежных ученых, находились и кинозвезды того времени. Однажды известный историк моды Александр Васильев принес мне для фотографирования бижутерию, полученную им от наследников первого диктора советского телевидения Н. В. Кондратовой, известной актрисы Л. И. Касаткиной и кинозвезды 1960-х годов Н. Н. Кустинской. Помню, как эти украшения поразили меня своей убогостью. В то время на Западе работало множество фирм, выпускавших престижную бижутерию, которая маркировалась соответствующими клеймами. По-видимому, для наших «звезд» она была недостижимой роскошью, поскольку ни одного клейма на их украшениях обнаружено не было. Это и неудивительно: ведь государство отбирало у всех советских граждан, работавших за границей, львиную долю заработанных ими денег.

Бижутерия Н. Н. Кустинской из коллекции А. А. Васильева

Позже и в нашей торговой сети появились товары из «настоящей» заграницы. Однако деятельность наших чиновников, осуществлявших закупки этих товаров, приводила отечественных дам в состояние постоянной тревоги. Работники Внешторга вели дела с довольно неплохими фирмами, но закупали все громадными партиями. В результате, купив какой-нибудь остроумный туалет, дама рисковала встретить еще три точно таких же в любой точке Советского Союза. В частности, в начале 1960-х годов почти все советские гражданки были обуты в туфли и сапоги «аляска» фирмы *Clark*. Первые «аляски» стоили всего 40 рублей и

пользовались большой популярностью. Они действительно были очень теплыми и удобными.

Тогда же во всех магазинах появились стройные шеренги болгарских дубленок. Народ считал их некрасивыми и не «хватал», несмотря на вполне умеренную цену 100-120 рублей. Гораздо более престижными считались чудовищные мохнатые шубы из синтетики. Стандартной формой одежды стали и толстенные югославские кофты. Они были очень добротными, их можно было даже распустить, но украсить кого-либо они были совершенно не в состоянии. В конце шестидесятых были закуплены большие партии прелестных английских костюмов из джерси с прямыми коротенькими юбками и жакетами со вставками из замши. Они были различных цветов и очень нам нравились, но то обстоятельство, что они появились в гардеробе всех наших родных и знакомых, несколько портило удовольствие.

Недостатки советской торговли женское население пыталось компенсировать различными, порой весьма хитроумными способами. Во время и после войны было не до моды. Для прикрытия брэнного тела вещи перекраивались, перешивались, перелицовывались. Сейчас последний глагол прочно вышел из употребления, а тогда при оценке вещи существенную роль играла возможность ее перелицевать в дальнейшем. Мужские рубашки целиком не перелицовывали, на них только переворачивали воротнички.

Когда меня надо было в 1946 году отправлять в первый класс, понадобилось приличное платье. Его низ был изготовлен из последних остатков припасенного во время революции синего сукна, но на верх сукна уже не хватило, и кокетку вместе с рукавами мама связала из всех остатков шерсти, найденных в доме. Вязать она тогда еще толком не умела, но модель получилась, на

мой взгляд, очень удачная. Искусством вязания мы с мамой овладели позже, когда нас в школе на уроке труда научили, как надо начинать вязание и вывязывать лицевые и изнаночные петли. Я показала это дома, и мама незамедлительно начала вязать красную жилетку. Правда, когда дело дошло до проймы, пришлось подождать следующего урока, на котором нам объяснили, как закрывать петли. Как их надо прибавлять, мы узнали еще позже. Несмотря на некоторые недостатки, мне эта жилетка казалась тогда шедевром рукоделия.

Мама в зеленом жилете собственного изготовления, 1952

В какой-то момент, к радости всех вязальщиц, в магазинах «выбросили» чудесные вязаные венгерские детские костюмчики: розовые для девочек и голубые для мальчиков. Сообразительные московские дамы вмиг их раскупили, распустили и стали вязать из них кофточки. Кстати, возможность распустить трикотажную вещь еще долгое время считалась не менее важным критерием, чем возможность перелицевать швейное изделие. Итак, у нас появилось несколько таких костюмчиков, из которых мама, домработница Маша и я изготовили себе «шикарные» пуловеры. Все они были связаны «змейкой», с короткими рукавами и вырезом «под горлышко».

В школьные и в институтские годы я время от времени возвращалась к этому занятию, но постоянно обвязывать всех своих родных начала уже после окончания института. Тогда вязали почти все, вязали из шерсти, катушечных ниток, веревок. При этом основной задачей вязальщиц было не показать свое мастерство, а сделать вещь, как можно более далекую от понятия «самовяз». Если ручную вязку можно было принять за машинную, и вещь, таким образом, имела «фирменный» вид, это считалось верхом совершенства. Общение с иностранцами тогда не поощрялось, но у папы в результате многочисленных научных командировок все-таки образовался знакомый – симпатичный француз профессор Сафир. Его сын в семидесятых стажировался в Москве и как-то зашел к нам со своей женой. До сих пор помню ее потрясение, когда она поняла, что надетая на мне кофточка мной и связана. В отличие от наших соотечественниц, восхищавшихся ровностью вязки, она никак не могла понять, зачем нужно тратить столько труда, чтобы скрыть основное достоинство вещи – то, что она сделана вручную.

Похоже, что на Западе до сих пор сохранилось уважение к вещам, сделанным руками. У нас оно было

начисто уничтожено постоянной нехваткой модного ширпотреба. В этих условиях практически все занимались рукоделием. Достать что-нибудь «фирменное» было исключительно трудно, поэтому самая стандартная заграничная тряпка ценилась гораздо выше любого уникального «самовяза» или «самострока». До сих пор подарок, сделанный или только упакованный своими руками, многими считается признаком жадности и неуважения к одариваемому.

В 19 веке это было далеко не так. К именинам и другим праздникам подарки готовили загодя. Вышивая какой-нибудь кисет, тщательно выбирали рисунок, сообразуя его с занятиями и вкусами того, кому он был предназначен. А затем тратили массу времени на изготовление и оформление будущего презента. При этом ценность подарка определялась в первую очередь личностью дарителя.

Когда вошла в моду льняная пряжа, свекровь сделала мне великолепный подарок: моток льняных ниток, из которых ее отец или дед когда-то плел сети для ловли рыбы. Нитки были просто прекрасные: толстые, блестящие, настоящего льняного цвета, но, к сожалению, с течением времени они все перепутались и размотать их не представлялось никакой возможности. Весь отпуск, который мы проводили в том году на турбазе Дома ученых в Паланге, я распутывала этот моток. Ученые туристы истожили по этому поводу все свое остроумие, а наша хозяйка Петра, как-то проходя мимо, даже предложила за небольшую дополнительную плату бросить этот моток в печку. Тем не менее нитки были в конце отпуска смотаны в клубки, а потом из них на зависть всем был связан ажурный костюм неземной красоты.

Появление в 1970-х годах мохера также не оставило наших модниц равнодушными. В магазинах его не было, но можно было распустить китайское одеяло и связать

из него шапочку. Одежда была, правда, слишком большими, поэтому дамы скидывались, покупали такое одеяло на всю компанию, и каждая становилась счастливой обладательницей модной шляпки. Однако, несмотря на всю заманчивую красоту импортных ниток, самой практичной была (и остается поныне) наша «пятирублевая» шерсть. Она выпускалась двух сортов: с длиной нитки приблизительно 700 и 1500 метров в мотке весом 100 граммов, который стоил 5 рублей. Естественно, в продаже этой шерсти либо не было совсем, либо имелись в наличии какие-то серо-буромалиновые цвета. Поэтому ее воровали прямо на фабрике, и время от времени в окрестностях института появлялись таинственные личности с бобинами «ковровой, пятирублевой» или даже буклированной шерсти. Одна из этих личностей постоянно обслуживала дамскую часть института речного пароходства. Ученые дамы приоделись и очень уютно чувствовали себя в новеньких вязаных кофточках, когда в институт вдруг нагрянула комиссия по расследованию хищений на шерстопрядильной фабрике. Все в панике попрятали свои кофточки в шкафы и столы, а комиссии только оставалось удивляться, почему в январские морозы вся женская часть коллектива сидит в каких-то легкомысленных блузочках, а кое-кто и в плохо прикрытых комбинациях.

Умение вязать нередко выручало и при выполнении швейных проектов. Например, если материи на костюм решительно не хватало, можно было к жакету связать воротник, манжеты и закончить его вязаной резинкой. Как памятник эпохи у нас долго хранилась кофточка, переделанная мной таким способом из папиного шерстяного нижнего белья, так называемого егерского.

Кофточка из «егерского» белья, середина 1990-х годов

В начале семидесятых была полоса увлечения шитьем из платков. Наподобие того, как Жозефина сшила себе несколько платьев из драгоценных кашмирских шалей, привезенных Наполеоном из египетского похода, мы кроили себе туалеты из рижских штапельных и павловопосадских шерстяных платков. Из штапельных платков шили летние платья, сарафаны, юбки. От стирки они теряли форму и садились, а затем переходили последовательно ко все более и более

миниатюрным созданиям. Несколько позже в моду вошла ткань с говорящим названием «марлевка». Ее, разумеется, нигде не было, но изобретательные дамы быстро проведали, что на почте посылки обшивают чем-то подобным, и потянулись в отделения связи. Один раз мне удалось купить бязь. Из нее была изготовлена моднейшая юбка, отделанная коричневым ситчиком в мелкий горошек. Папа, правда, сообщил нам, что из бязи делают в основном солдатские подштанники, но меня это, конечно, не остановило. В это же время наша приятельница Алина Логинова сочинила для своей подруги блузку в фольклорном стиле из старой простыни, кусочков ситца и кружева. Подруга отправилась на юг, и там эту блузку украли. Алина не без удовольствия вспоминает об этом эпизоде, потому что, как известно, высшей степенью признания таланта художника считается момент, когда начинают красть его картины.

Слово «колготки» и обозначаемый им предмет туалета появились в начале 1960-х годов. До того все особы женского пола мучились с поясами, резинками и чулками. Вся эта сбруя почему-то всегда съезжала на одну сторону и при этом безбожно натирала ноги. Во время и сразу после войны чулки были простые в резинку, фильдекосовые и фильдеперсовы. Фильдеперсовы чулки считались самыми престижными. Их делали из тех же хлопковых нитей, но более высокого качества, отчего чулки получались шелковистыми. О настоящих шелковых чулках никто, по моему, и не помышлял. Только в пятидесятые появились нейлоновые чулки, которые сразу обрели статус атрибута «шикарной» жизни. Особенно модными были чулки со швом и черной пяткой. Достать такие чулки было нелегко, а достигнуть такого совершенства, чтобы шов проходил точно по середине ноги, никуда не закручиваясь, удавалось только особо одаренным

дамам. Женщины попроще удовлетворялись иногда тем, что рисовали шов и пятку черными чернилами прямо на ногах, а поверх надевали самые обыкновенные чулки. Колготки явно изменили жизнь женской половины общества к лучшему. Беда была только в том, что их было тоже не достать. Шерстяные колготки можно было связать на появившихся тогда вязальных машинах, а с тонкими колготками не оставалось другого выхода, как поднимать спущенные петли. Это можно было сделать в мастерских или самостоятельно с помощью особых крючков. Был еще один хитрый способ преобразовать детские х/б колготки во взрослые. Для этого через одну спускали петли по всей длине колготок, и они превращались в ажурные, налезавшие даже на довольно объемных дам.

Кроме проблем с одеждой существовала не менее серьезная проблема пуговиц. Подобрать подходящие пуговицы было практически невозможно. Имелись в основном тускло-серые пуговицы для пальто, белые бельевые и так называемые брючки для ширинки на брюках. Покупка остального являлась вопросом случая. Народ по-разному выходил из этой ситуации. Например, делали деревянные пуговицы. Именно так уже в начале девяностых в пору полного дефицита были сделаны пуговицы к только что купленному плащу, буквально усеянному яркими золотыми пуговицами с изображением Георгия Победоносца. Такое количество золотых «Георгиев» показалось мне совершенно невыносимым. Поэтому старшему научному сотруднику нашего Гиредмета, известному как виртуозный токарь, было заказано выточить двадцать деревянных пуговиц, которые затем были раскрашены подходящей по цвету акварелью и покрыты лаком.

Когда-то мне пришлось встретиться еще с одним примером того, что голь на выдумки хитра. Мне была передана на реставрацию бисерная сумочка. С первого

взгляда она представляла собой какой-то бесформенный комок из-за многочисленных кое-как заштопанных дыр. По бисеру было видно, что сумочка довольно поздняя, но техника оставалась совершенно неясной. Вместе с опытным реставратором мы выпороли подкладку, ожидая, что по изнанке сразу все определим. Однако и изнанка представляла собой какую-то загадочную сетку, не похожую ни на один вид бисерного рукоделия. Только по швам на донышке мы наконец догадались, что перед нами вышивка по самой обыкновенной марле, выкрашенной в черный цвет. Повидимому, в 1920–1930-х годах какая-то дама, зная, что на Западе вошли в моду бисерные сумочки, решила самостоятельно сделать себе такую же. У нее был дореволюционный бисер и старый рисунок, но не было подходящей ткани. Тогда, судя по всему, и была использована марля. Но марля – материал по определению нестойкий, и до нашего времени сумочка дошла в плачевном состоянии. Пришлось ее практически вышить заново, что и было сделано в знак уважения и сочувствия к ее создательнице.

От моих самодельных туалетов у нас почти ничего не осталось: все они перекочевали в коллекцию известного историка моды А. А. Васильева. Не знаю, насколько они оказались для него полезными, но деревянные бусы, которые я когда-то расписала «под Гжель» для своей мамы, даже фигурировали на одной из его выставок.

В дальнейшем сражение за более или менее приличный вид продолжалось вплоть до середины 1990-х годов, когда появилось огромное количество всякого китайского барахла в турецком вкусе, а достойные вещи оказались совершенно недоступными по цене. Что делать, борьбу пришлось продолжить в новых условиях.

Изложенное выше неизбежно приводит к выводу, что женская часть научных работников того времени ничем другим, кроме погони за модными тряпками, не занималась. Как ни странно, это было совсем не так: мы

на самом деле были очень увлечены своей работой, чувствуя себя на передовом фронте современной науки. В связи с этим мне вспомнился забавный эпизод. Однажды мы ехали с мужем на работу и, стоя в автобусе, с жаром обсуждали проблемы рекомбинации на глубоких уровнях в арсениде галлия. Женщина, сидевшая рядом с нами, вскоре возмутилась и воскликнула: «Ну сколько можно разговаривать!» Я удивилась и спросила: «А что, мы очень громко говорим?» – «Да нет, – сказала она с досадой. – Но о чем!!!»

Очень хорошо помню и счастливый период моей жизни, когда я начала на старости лет (мне было больше сорока) осваивать основы программирования и составила собственную программу обработки результатов измерений эффекта Холла. К сожалению, эта сторона нашей жизни не имеет прямого отношения к заявленной теме моих записок. А единственным материальным сувениром того времени остались два осколка пластины монокристаллического кремния, хранящиеся в шкатулке на моем письменном столе.

1961 год

Этот год ознаменовался для меня рядом важных событий: я окончила Московский энергетический институт и вышла замуж за Володю Васильева, с которым мы учились в одной группе последние три года.

Володя родился в городе Аткарске Саратовской области, где до войны жили его родители, Семен Игнатьевич и Елена Николаевна (урожденная Молчанова) Васильевы. Отец был сразу мобилизован и зимой 1941 года принял участие в битве под Москвой. Там обморозил ноги, был комиссован и остался работать на военном складе в Москве. Был награжден медалью «За доблестный труд» и орденом Красной Звезды. Когда капитан Васильев обосновался в Москве, к нему переехала семья: жена и двое старших детей, а младший Вова был оставлен в деревне под Аткарском на попечении бабушки и дедушки. Он хорошо запомнил лица молодых солдат, проходивших по их деревне по дороге на фронт; самолеты, летящие на Сталинград; вкус маленьких красных яблок, которые бабушка изредка приносила с базара, – по тем временам это был изысканный деликатес. Такое яблоко нельзя было просто съесть, его надо было сначала размять, не снимая кожицы, а потом смаковать каждый кусочек.

В 1946 году родители забрали его в Москву. Ни о каком дошкольном образовании тогда и не слыхивали, поэтому Володя Васильев отправился в первый класс, зная два слога – «МА» и «ПА». Но несмотря на это учился он хорошо и после окончания школы поехал в Киев, чтобы поступить в военное училище. Там его забраковали по зрению, и он вернулся в Москву. Случайно проезжая мимо нашего МЭИ, он обратил внимание на импозантное здание главного корпуса,

которое ему чрезвычайно понравилось, и решил поступить именно туда. Успешно сдал все шесть вступительных экзаменов и тем самым осуществил мечту родителей, которые были твердо намерены дать всем детям высшее образование. Кроме стремления к учебе им были на всю жизнь внушены незыблемые представления о порядочности, ответственности и чувстве долга. А отношения Семена Игнатьевича и Елены Николаевны служили наглядным примером того, как должна выглядеть образцовая семья: уютный гостеприимный дом, незлобивая, заботливая Елена Николаевна и суровый, довольно жесткий Семен Игнатьевич, который с неизменным обожанием смотрел на свою «хорошенькую». Надо сказать, что моя свекровь даже в пожилом возрасте вполне соответствовала этому определению.

Володя Васильев, 1960

После окончания института мы начали свою трудовую деятельность: я в Гиредмете (Государственном научно-исследовательском и проектно-монтажном институте редких металлов) в физическом отделе, а Володя в закрытом авиационном институте. Он присоединился ко мне двумя годами позже, поступив в очную аспирантуру Гиредмета в отдел автоматики.

Сейчас мы с удовольствием вспоминаем проведенные там долгие годы. Это был очень большой институт - головной в полупроводниковой отрасли, работа интересная, коллеги - очень разнообразные, часто необычные и яркие личности. Мы до сих пор

поддерживаем дружеские отношения со многими из них: ведем редкие, но душевные беседы с Ирой Юрьевой, общаемся с обстоятельной и хозяйственной Аленой Фридшанд, изредка обмениваемся визитами с Мишей Мороховцом, поглощенным заботами о внуках и исследованием генеалогии своего древнего рода; получаем время от времени весточки о других сотрудниках отделов, в которых мы с Володией проработали больше тридцати лет.

Моим научным руководителем с самого начала работы в Гиредмете был Михаил Ильич Иглицын, который не обременял нас подробными указаниями, как и что делать, но, как я теперь понимаю, зорко следил за тем, чтобы все работы, выходившие из отдела, соответствовали нормальному академическому уровню. К сожалению, ему не очень везло с карьерой, он успел защитить докторскую, но скончался от инсульта в 61 год. У него в аспирантуре параллельно со мной делали диссертации и почти одновременно защитились Галина Ивановна Воронкова и Елена Викторовна Соловьева. Галя отличалась миловидностью, моложавостью и замечательными афоризмами, которые до сих пор в ходу у всех ее знавших: «Все, что мы знаем, мы знаем из книг» (теперь книги смело можно заменить на Интернет), «Мужа надо брать на корню» и нравоучительная тирада, адресованная слушателям подготовительных курсов, на которых она преподавала. Они попытались назвать ее «девочкой» и получили в ответ: «Между прочим, эта девочка закончила физфак МГУ, и поэтому будем называть ее в дальнейшем Галиной Ивановной». Лена Соловьева, прекрасный физик-экспериментатор и отчаянный полемист, долгое время была неотъемлемой частью нашего дружеского триумвирата, душой которого была физик-теоретик Наталия Сергеевна Рытова.

Наташа Рытова

Я до сих пор помню, как я в первый раз увидела Наташу в обшарпанном коридоре Гиредмета, который она освещала своей прелестной улыбкой. Она была уже младшим научным сотрудником, и мне, всего-навсего дипломнику, очень польстило, что такой большой человек меня заметил и даже улыбнулся. Наташа, действительно, была всегда исключительно доброжелательна, но в тот раз ее улыбка, как я теперь понимаю, была не персонифицирована, а связана просто с плохим зрением.

Первые признаки симпатии возникли на почве совместной реконструкции старинной английской «Баллады о принце Джоне», которой мы занялись во время одного из обеденных перерывов. Мне повезло, ее я знала довольно неплохо. Если бы речь зашла о каком-нибудь другом стихотворном произведении, гармонии душ, возможно, и не возникло бы, потому что Наташа знала поэзию на два порядка лучше меня. Мы дружили с Наташей и ее семьей больше 50 лет. Я восхищалась ее родителями: крупнейшим ученым, членком РАН Сергеем Михайловичем Рытовым и ее милой, умной мамой Суламифью Сауловной Бахмутской. Постепенно их семейство увеличивалось. Наташа вышла замуж за молодого теоретика из Свердловска Володю Шаврова, и у них с небольшим интервалом появились две прелестные дочки, Таня и Женя.

Незадолго до свадьбы Наташа с Володей поехали на Кавказ и остановились там в каком-то высокогорном приюте, которым заведовала старушка «кавказской национальности». Увидев Наташу, она обмерла от такой красоты и все время их пребывания ходила за ней, благословляя Аллаха, который позволил ей дожить до

встречи с такой красавицей. При этом она время от времени пыталась поцеловать край ее ковбойки. Володя в качестве жениха показался бабуле совершенно неподходящим, и она настойчиво предлагала Наташе посватать ее за любого джигита, который будет только счастлив, обретя такую невесту. Наташа не поддавалась искушению, а я в результате совершенно пересмотрела свой взгляд на ее внешность, внезапно увидев, что она точь-в-точь походит на миниатюры красавиц в старинных персидских рукописях.

Вскоре после свадьбы Наташа с Володей поселились в маленькой кооперативной квартире на Верхней Масловке. В какой-то момент там понадобилось заменить потекшую трубу, и Наташа принялась ходить в правление, пытаясь организовать замену. Мы жили в эпоху развитого социализма, и трубы, естественно, не было. Наконец, кому-то из правления вся эта история надоела, и он в сердцах сказал: «Что вы все ходите! Где вы работаете?! Неужели нельзя там взять трубу?!» Председатель правления объяснил ему, что они оба теоретики, и правление, осознав их тяжелое положение, выделило им наконец вождеденную трубу.

Кроме выдающихся способностей в области точных наук Наташа еще свободно владела английским, а ее произношение вызывало восторг у англичан. Кроме того, в ее активе был начальный французский и совсем неплохой для выпускницы советской школы немецкий. Она всегда с благодарностью вспоминала свою учительницу немецкого, которая так «вдолбила» им этот язык, что ее ученики поступали в иняз без всяких репетиторов. Но самое поразительное в Наташиных школьных воспоминаниях было то, что она знала всю школьную программу, включая грамматику всех изученных ею языков.

Наташа Рытова, 1972

Далеко не все Наташины воспоминания о школе были такими лучезарными. Когда она училась в 10-м классе (1953–1954), произошло событие, едва не испортившее ей всю оставшуюся жизнь. Купить писчую бумагу, необходимую для школьных черновиков, было непросто. И кто-то из девочек принес в класс кипу прекрасной бумаги, на которой были напечатаны какие-то анкеты, а обратная сторона оставалась пустой. Видимо, ее мама работала машинисткой или

секретаршей и принесла с работы испорченные бланки. Девчонки с удовольствием разобрали эти листки, а увидев, что на них напечатано, принялись в меру своего чувства юмора заполнять анкеты. На вопрос «Откуда прибыл?» отвечали «Из сумасшедшего дома»; на вопрос «Место назначения?» отвечали «Канатчикова дача»^[1] и т. п. Уровень остроумия был средним, но анкеты, к несчастью, оказались бланками для постановки на учет членов партии. В разгар веселья старшая пионервожатая школы отобрала одну из анкет и предъявила ее завучу в качестве доказательства антисоветских настроений среди выпускниц. Проступок был по тем временам чрезвычайно серьезным, и речь шла об исключении из комсомола и школы без права получения аттестата зрелости. К счастью, директриса оказалась достаточно разумным и дальновидным человеком. Когда ей сообщили о случившемся, она сразу поняла, что такое «ЧП» ляжет темным пятном на репутацию школы и, безусловно, коснется ее лично. Поэтому она отругала всех соучастниц преступления, но выносить сор из избы благоразумно не стала. Таким образом, Наташа смогла поступить на физфак МГУ и окончить его с красным дипломом. Дипломную работу она делала в Физическом институте Академии наук (ФИАНе), но из-за неподходящей национальности там ее не оставили, а направили по распределению в наш Гиредмет.

На работе Наташа была для нас непререкаемым гуру. Когда возникала какая-нибудь небольшая теоретическая задачка, она придвигала к себе чистый лист бумаги, брала ручку и начинала писать своим каллиграфическим почерком: «Предположим... зададим граничные условия... откуда... отсюда...» и так далее. Мы с трепетом следили за этим священнодействием. Как-то моя бабушка, узнав, что Наташа ходит на работу только два раза в неделю, призадумалась и

посоветовала мне срочно перейти из экспериментаторов в теоретики. К немалому удивлению бабушки, я сказала, что с этим, пожалуй, ничего не выйдет. Действительно, для этого надо было получить пятерку по физике у Ландау, сделать диплом под руководством В. С. Вавилова, с отличием окончить физфак МГУ, быть членом семинара В. Л. Бонч-Бруевича и защитить диссертацию под его руководством. Наташина статья, опубликованная в 1966 году, цитируется до сих пор.

Иногда у нас с Наташей происходили бурные споры. Например, один из них касался принципиального расхождения во взглядах на раздельный и цельный купальники. Я считала, что дамам с особо безобразной фигурой не следует появляться на людях в бикини, а Наташа отстаивала права человека на принятие воздушных ванн независимо от конфигурации и мнения некоторых злобных окружающих.

В чем мы сходились всегда и полностью – это в категорическом неприятии лженауки и мракобесия. После очередного телевизионного диспута между учеными и какими-нибудь астрологами, экстрасенсами, священниками мы делились впечатлениями, насколько бледно выглядят «наши», которым не хватает задора, прямолинейности и отсутствия логики их конкурентов. В смысле темперамента и четкости формулировок нам обоим очень импонировал академик Виталий Лазаревич Гинзбург – бескомпромиссный борец с воинствующим невежеством. Сейчас, похоже, перевес оказывается скорее на стороне мракобесия.

Вспоминается один забавный эпизод: Алексей Венедиктов на «Эхе Москвы» со свойственной ему самоуверенностью взялся доказать, что даже в математике все относительно и два не всегда равно двум. В качестве примера привел предполагаемую драку двух взрослых мужчин и двух маленьких детей. Гневно зашипев, что это обозначает всего-навсего, что $2a$ не

равно 2b, я выключила радио и позвонила Наташе. Оказалось, что мы с ней выключили радио абсолютно синхронно.

Казалось бы, «персидская красавица», физик-теоретик, знаток поэзии должна была быть далека от всего земного. Ничуть не бывало! Наташа замечательно готовила. Ее тейглах до сих пор всем, однажды его вкусившим, является только в самых сладких снах. А как у Наташи все было сервировано! Она знала толк в хорошей посуде и первая оценила красоту фарфора ЛФЗ, когда там только начали выпускать их знаменитые чашки с подглазурным кобальтовым рисунком. Одной такой чашкой, подаренной Наташей, я до сих пор пользуюсь в особо парадных случаях. А рядом на полке стоит блюдо, подаренное ее дочкой Женей, и удивительная гармония в стиле этих вещей наглядно демонстрирует общность вкусов дарительниц.

Наташа обладала удивительной способностью обрастать друзьями: из любого возраста у нее оставалась на всю жизнь парочка-другая друзей. Причем все они оказывались людьми не случайными, а исключительно интересными, одаренными в самых разнообразных областях. В этом смысле меня поразила история девочки, с которой они дружили в первом классе и которую Наташа отыскала с помощью Интернета лет через 65 после того, как потеряла ее из виду. Кем стала эта девочка, я не помню, но ее дочь оказалась известной белорусской журналисткой и правозащитницей Ириной Халип, женой одного из претендентов на пост президента Белоруссии. Как только Наташа отыскала свою бывшую подружку, с ней и ее дочерью начали происходить какие-то совершенно невероятные события, за которыми мы следили, как за американским боевиком.

Ближайшей Наташиной подругой еще со школьных лет была ее соседка по подъезду Ира Трушкина (теперь

Ирина Федоровна Ковалевич). Сейчас Ире уже за 80. Тем не менее она продолжает удивлять всех своей неиссякаемой энергией: долгие годы ухода за мамой, дожившей до 104 лет, заботы о больном муже и солидном количестве внуков нисколько не ослабили в ней желания «быстренько сбегать» с любимой невесткой на выставку или концерт. При этом каким-то непостижимым образом еще находится время для вышивания, в котором она достигла немалых высот. А у нас над дверью висит вышитый ею «дессю де порт» – венок из веток дуба, практически ничем не выделяющийся на фоне оставшихся от коллекции изделий 19 века.

Благодаря Наташе мы познакомились с Аллочкой (Аллой Воробьевой) и Саником (Исааком) Соколами. Насколько я знаю, издавна дружили еще семьи Рытовых и родителей Саника. Его отец, Яков Исаакович Сокол, был выдающимся специалистом в области черной металлургии. Начав работу токарем на заводе в Киеве, он впоследствии стал первым директором Челябинского металлургического завода. Под его руководством этот завод после начала войны был создан буквально на ровном месте вблизи Челябинска на базе эвакуированных металлургических заводов. В музее завода самоотверженной деятельности его первого директора посвящен большой стенд. Мы несколько раз читали биографию Якова Исааковича, которую теперь можно найти в Интернете, и каждый раз бывали потрясены талантом и мужеством этого необыкновенного человека. Качества эти он передал и нашему другу Санiku, который долгое время работал на заводе «Серп и молот». Много лет назад они с Аллочкой уехали вслед за своим сыном с семьей в Израиль, и теперь мы видимся в основном по скайпу. Правда, один раз удалось побывать в их новом доме в Ариэле и

провести вместе незабываемый вечер в первый день праздника Песах в 2015 году.

Последние годы жизни Наташа много времени посвящала изданию книги о своем отце и исследованию семейной родословной. Сейчас многие увлекаются генеалогией, но, в отличие от большинства, ей удалось найти на этом пути много интересного. В частности, одним из ее предков был знаменитый иерусалимский раввин Хаим Берлин, о котором сохранились многочисленные народные предания. Под редакцией Наташи в книге «Бабушка, Grand-m`ere, Grand-mother...» (М.: Этерна, 2008) были опубликованы отрывки из дневников бабушки Володи Шаврова.

Но самой захватывающей оказалась история ее деда со стороны отца. Воспоминания Наташиного отца С. М. Рытова о детстве опубликованы в книге «Сергей Михайлович Рытов» (М., 2012). Из них выясняется, что его отец, Михаил Михайлович Рытов, довольно рано оставил семью. Некоторое время Сережа жил с отцом в Одессе, но в возрасте 12 лет был отправлен к матери и больше отца не видел. Было это в 1920 году, и о дальнейшей судьбе Наташиного деда ничего известно не было. И вот, в 2011 году Наташа, роясь в Интернете, случайно обнаружила на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа могилу его брата Владимира Михайловича Рытова, жившего одновременно с ним в Одессе. К ее большому сожалению, эту фотографию скоро убрали, и она не успела ее сохранить.

Наташа умерла в 2013 году в возрасте 75 лет. Вскоре после ее смерти ее муж Владимир Григорьевич Шавров – доктор физико-математических наук, крупный специалист в области магнетизма, поехал на конференцию в Париж и решил отыскать эту могилу. Вместе со знакомой, давно живущей в Париже, он отправился на кладбище и, действительно, нашел могилу Наташиного двоюродного деда. На могиле

обнаружились свежие цветы; было видно, что за ней кто-то ухаживает. Служащая сказала, что могилу навещает некая Алла Рытофф из 1-го округа. Путем долгих изысканий в Интернете удалось выяснить телефон этой дамы. А когда Владимир Григорьевич и сопровождавшая его девушка ей дозвонились, оказалось, что это дочь родного брата Наташиного деда, то есть Наташина двоюродная тетя – Алла Владимировна Рытова. На следующий день она сама приехала к Владимиру Григорьевичу в отель. Несмотря на возраст (за 90 лет), она оказалась дамой очень активной, в здравом уме и твердой памяти. Оставшись одна после смерти отца, она долго и безуспешно пыталась отыскать каких-нибудь родственников во Франции, не подозревая, что большинство ее родни находится в России. Освоившись с этим открытием, она поведала историю своей семьи, эмигрировавшей во Францию вскоре после 1920 года, и заодно сообщила, что туда же уехал и отец Сергея Михайловича, то есть Наташин родной дед. Во Франции он еще пару раз женился, умер и похоронен в Ницце.

Наташе, конечно, было бы очень интересно все это узнать, а вот Сергею Михайловичу, который даже не подозревал о местонахождении своего отца, наверное, в определенном смысле сильно повезло. Во время борьбы с космополитизмом он подвергался серьезным нападкам и даже был вынужден уйти из ФИАНа, где в то время работал. Если бы в это время (да и позже) ему пришлось писать во всех анкетах, что у него есть (или были) близкие родственники за границей, он пострадал бы наверняка гораздо больше.

Дочки Наташи и Володи превратились в прелестных молодых дам и уже обзавелись потомством, причем отважная Женя стала мамой пяти отличных детишек. Таня и Женя несколько раз навещали свою двоюродную бабушку в Париже. Не забывают они и российских

друзей своей замечательной мамы. В последний раз, когда Наташа со всем семейством побывала у нас, они подарили нам роскошный антуриум, усыпанный ярко-красными цветами. С тех пор он не переставал цвести ни на один день. У него вырастали отростки и тоже зацветали. Мои приятельницы, прельщенные такой плодовитостью, несколько раз пытались пересадить их к себе, но продолжать цвести в новых условиях они категорически отказывались. Надеюсь, что и в дальнейшем антуриум будет радовать нас своими цветами, а Таня и Женя своими посещениями.

Цветущий антуриум

Ленинградский кошелек

С маленьким бисерным кошелечком, приобретенным несколько лет назад в Петербурге, оказались странным образом связаны очень давние воспоминания. Касаются они той идеологии, которой была пронизана практически вся наша сознательная жизнь.

Знакомство с ней началось с первого класса школы. Туда в связи с ослабленным здоровьем я пошла только в апреле, и вскоре после этого нам задали выучить гимн. Ознакомившись с текстом, я сразу поняла, что это задание мне не по зубам. Помню, как в страшных рыданиях я объявила родителям, что этот гимн я никогда не выучу и в школу поэтому больше не пойду. В школу я, конечно, пошла и гимн кое-как сдала, но так его наизусть никогда и не запомнила, хотя память в то время была неплохая.

По-видимому, этот незначительный эпизод был грозным предупреждением о том, что в общественных науках я не преуспею.

1-й класс школы № 335, 1948. Лена Юрова в верхнем ряду слева

В МЭИ, куда я поступила после школы, идеологией занялись всерьез, и мы изучали сначала историю КПСС, потом политэкономию, а позже и философию. Все эти занятия и экзамены давались мне с большим трудом. Эти трудности стали особенно серьезными в эпоху Хрущева, отличавшегося незаурядным многословием. Газеты выходили распухшими от его речей, а нам надо было извлекать из этого основные мысли и излагать их на экзаменах. В это время мы учились в одной группе с Олей Чкаловой и вместе готовились к экзаменам. Помогала нам справиться с этим половодьем вдова знаменитого летчика – Ольга Эразмовна: пока мы зубрили основные даты истории КПСС, она мужественно просматривала последние газеты и подчеркивала наиболее выразительные места. Правда, и это не

приносило существенного облегчения: «выразительные места», составленные вместе, все равно не складывались во что-нибудь внятное и логичное.

На работе мучения продолжились в виде политсеминаров. Руководить ими должен был наш начальник лаборатории Михаил Ильич Иглицын, который, естественно, был членом партии и отвечал за нашу сознательность. Ему это дело, по-видимому, тоже не очень-то улыбалось, и некоторое время он просто отмечал в журнале, что семинар состоялся, и сдавал этот журнал в партком. Подвела его невнимательность: несколько раз подряд он проставил «отсутствовал» против фамилии одного и того же сотрудника. Того вызвали в партком, чтобы проработать за злостные прогулы, и тут сразу же выяснилось, что прогульщик вообще первый раз слышит о каких бы то ни было политсеминарах. Михаил Ильич получил нагоняй, и полит-семинары стали у нас проходить исключительно пунктуально. Одно было плохо – нашего руководителя во время выступлений слушателей неудержимо клонило в сон. Зная свою слабость, он в начале семинара ставил локти на стол и подпирал голову руками. Но на столе у него лежало стекло, и локти начинали медленно по нему скользить. Все присутствующие с замиранием сердца следили за этим процессом, ожидая драматического финала, но в последнюю секунду Михаил Ильич вдруг поднимал голову, открывал глаза и задавал выступающему вопрос.

Через некоторое время мне понадобилось сдать кандидатский минимум, в состав которого входил экзамен по философии. Подготовка к нему заняла в несколько раз больше времени, чем к двум остальным экзаменам (язык и специальность), вместе взятым. И все же уверенности в положительном результате не было. Выручило меня чудо: в день экзамена объявили, что в космос полетела первая женщина-космонавт Валентина

Терешкова. Я сразу приободрилась, решив, что в такой день женщине вряд ли поставят что-нибудь меньше четверки. Надежды мои полностью оправдались: на моем последнем в жизни экзамене я получила «отлично».

От этой идеологической муштры мои родители пострадали, конечно, еще гораздо больше, чем мы. Несмотря на то что они оба были беспартийными, им полагалось быть высокосоциальными просто по роду их деятельности: папа был заместителем директора Всесоюзного светотехнического научно-исследовательского института, а мама всю жизнь проработала на кафедре иностранных языков МЭИ. Мама всегда очень болезненно относилась ко всяческим покушениям на ее независимость. Она была счастлива, что дожила до отмены руководящей и направляющей роли КПСС, и время от времени повторяла: «Если я еще раз услышу, что КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи, я умру на месте». В последние годы жизни у нее было немало огорчений, но этого ей, к счастью, услышать не пришлось.

Не уверена, что эта массированная обработка изменила психологию советских людей в лучшую сторону, но имена вождей и основные даты истории СССР все граждане от мала до велика знали назубок. Казалось, что эти знания будут передаваться генетически, поэтому наше поколение не перестает удивляться, насколько быстро они улетучились из памяти молодежи.

В этом я убедилась, в частности, поехав в 2014 году к своим родственникам в Петербург (для меня по-прежнему Ленинград, несмотря на отсутствие каких-либо особенно теплых чувств к Владимиру Ильичу). Всласть наговорилась с любимой сестрой Аллочкой, съездила с ней на кладбище, повидалась со всем ее семейством и, разумеется, отправилась в

ознакомительную прогулку по антикварным магазинам, которые когда-то были неиссякаемым источником волнующих приобретений. В последнее время этот источник безнадежно иссяк, но какой-то атавистический инстинкт вел меня по прежним адресам.

Вот так я и оказалась на улице Марата, где когда-то располагался большой круглый магазин, в прошлом битком набитый старой мебелью. Здание сохранилось, но территория антиквариата сжалась до небольшой лавочки на втором этаже. Ее содержимое не представляло собой ничего примечательного. Ничем не выделялась и висевшая в углу унылая немецкая бисерная сумочка 1920-х годов. На всякий случай я все же спросила у молодой продавщицы, одетой, как ей казалось, по последней моде, нет ли еще чего-нибудь бисерного. Девушка с достоинством ответила, что бисерного больше ничего нет, но имеющаяся сумочка представляет собой уникальный предмет дореволюционного искусства и отличается идеальной сохранностью. Сохранность была, правда, хорошая, но прикладное искусство ничего не потеряло бы, если бы она была и похуже, подумала я и вяло сообщила, что сумочка все-таки именно двадцатых годов. «Ну вот, – радостно подхватила девушка, – я же и говорю, что дореволюционная!» Мне стало интересно, к какому же времени она относит революцию. Девушка твердо сообщила, что революция была в 1941 году. «В 41-м году началась война. А вот когда была революция?» – спросила я с безжалостной настойчивостью. Девушка попыталась оттянуть время: «Какая революция?» Я ответила так, как нас учили всю жизнь: «Великая Октябрьская Социалистическая». Казалось бы, она должна была признать, наконец, свое полное поражение, но жертва и не думала сдаваться: «А вы как считаете?» – задала она встречный вопрос. Мне

пришлось назвать дату и признаться в глубине души в ее победе по очкам.

Кошелек. Вязание крючком из мелкого круглого бисера. Замок серебро штамповка. Диаметр 9 см. 1820-1830-е годы

Все-таки небольшую компенсацию за моральный ущерб я в конце концов получила. Зайдя в несколько других антикварных магазинов, я убедилась в том, что звонок у двери магазина – это верный признак полной бесперспективности его посещения. Для таких покупателей, как я, самыми подходящими торговыми точками являются подворотни и подвалы. Действительно, в одном из таких злачных мест обнаружился очень миленький круглый кошелечек первой трети 19 века в довольно неплохом состоянии, с

классической розеткой, но без замка. В ответ на мой вопрос о цене мне строго сказали, что это не кошелек, а пудреница. И в самом деле, в кошелек была вложена круглая пудреница 1950-х годов. Цена всей композиции была более чем приемлемой даже для одного кошелька, а когда хозяин магазина согласился разъединить эту «сладкую парочку», цена уменьшилась еще вдвое. Смущало только отсутствие замка. Эта проблема казалась совершенно непреодолимой, поскольку старинные замки для кошельков вообще чрезвычайно редки, а искать круглые можно и не пытаться. Каково же было мое удивление, когда через несколько дней нашелся и замок. Уже на обратном пути в Москву позвонила наша милая приятельница Оля Зимогляд и сообщила, что совершенно случайно ей попался очень хорошенький круглый замочек для кошелька. Он подошел почти идеально. Кроме того, пришлось наш кошелечек помыть, пришить подкладку и вшить недостающие бисеринки, после чего под названием «Ленинградский кошелек» он обрел постоянное место в витринке вместе с остатками нашей коллекции.

Наши путешествия

*Охота к перемене мест
Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест.*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

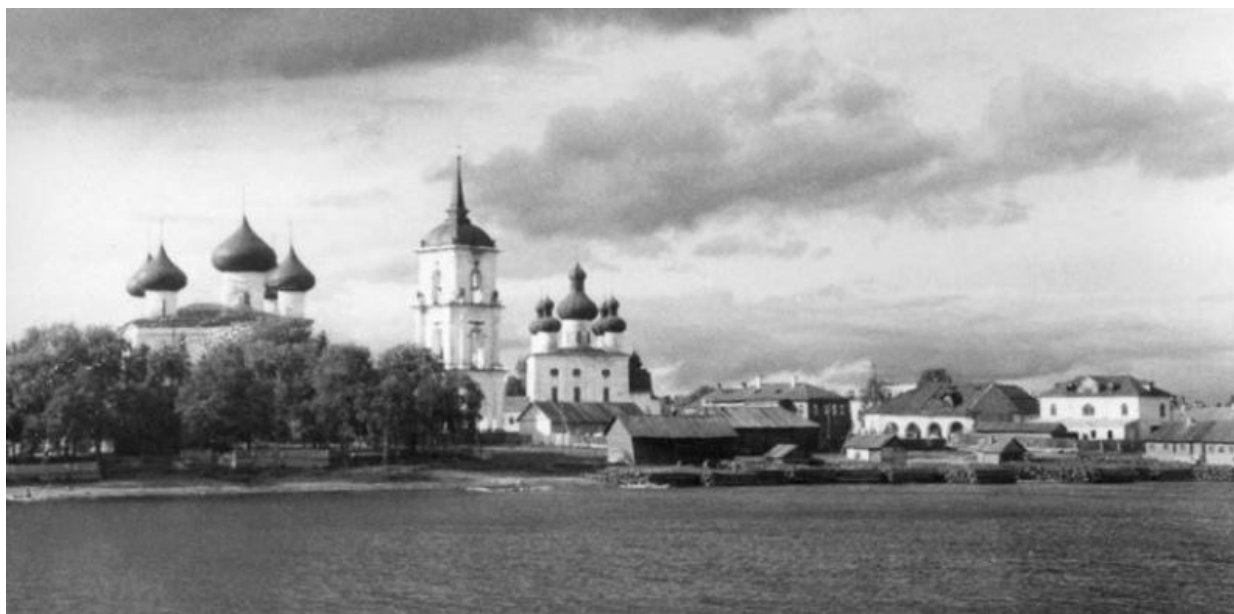
«Охота к перемене мест» была присуща моим родителям в высокой степени. Меня начали приобщать к этому занятию уже с самого раннего возраста. После первой поездки мамы с папой в Прибалтику мы с бабушкой, няней, своим самоваром и постельными принадлежностями двинулись в 1947 или 1948 году на Рижское взморье. Жили мы в рыбацьем поселке у впадения Лиелупе в Рижский залив. Там мы попали в другой мир, где в соседнем с нами Булдури утром мыли тротуары с мылом, а по лесу ходили женщины с острыми палочками, которыми они подбирали всяческий мусор. Родители ездили по разным местам, а нас с бабушкой отправляли на отдых то в Ясную Поляну, то в Верею, то в Тарусу, то на море в Архипо-Осиповку.

Только после окончания школы мы провели лето на подмосковной даче, поскольку мне надо было готовиться к поступлению в институт. Экзамены в МЭИ я сдала в июле, до начала занятий оставался еще целый месяц, и папа решил, что мы с ним обязательно должны съездить в Каргополь.

Этот город и сейчас не является знаменитым центром туризма, а тогда о его существовании, по-моему, вообще никто, кроме местных жителей, и не догадывался.

Не помню точно, как мы добрались до Няндомы, откуда на автобусе по жуткой дороге доехали до

Каргополя. Там мы остановились у трех гостеприимных старушек, отношения которых между собой мы сначала никак не могли расшифровать. Все они были приблизительно одинакового возраста, но две явно помыкали третьей. Когда дошло дело до фотографирования, все прояснилось: две сели, а третьей было велено стоять. Нам они объяснили, что сидеть имеют право замужние, а «девке» это не положено по статусу.

Каргополь, 1956

Осмотрев в городе все церкви и соборы, мы, конечно, отправились в музей. Музей располагался в одной из церквей и, несмотря на будний день, был заперт на большой висячий замок. Какой-то прохожий указал нам, где искать директора. Он оказался у какой-то своей знакомой и, забежав домой за ключом размером с небольшой ломик, сразу пошел открывать музей. Там он провел увлекательную экскурсию и даже дал мне померить железный корсет, который надевали на провинившихся послушниц и монахинь. Ощущение паники из-за невозможности глубоко вздохнуть помню

до сих пор. Наверное, я была гораздо выше и больше по размеру жертв этой пытки, но, думаю, им тоже приходилось несладко. За свои страдания я была вознаграждена, когда наш гид разрешил мне померить головной убор местных жительниц, выставленный в витрине. Увидев, что папа меня фотографирует, директор попросил прислать ему фотокарточку, потому что в то время у него не было фотографий местных жительниц в национальных уборах. Может быть, эта фальшивка до сих пор хранится в музейном архиве.

Вернувшись к нашим старушкам, я, конечно, с восторгом рассказала о своей фотосессии. К моему рассказу они отнеслись совершенно равнодушно и сказали, что ничего особенного у этого директора не имеется. После этого они открыли свой сундук и извлекли из него полный комплект местного парадного женского наряда. Влияние городской моды в нем было уже очень заметно: кофта на мелких крючках со стоечкой и баской, юбка вместо сарафана, но на голове красовалась все та же расшитая речным жемчугом кичка, что и в старину. Папа запечатлел меня на пороге дома, а старушки выразили свое полное восхищение такой изумительной красотой. Правда, они тут же объяснили, чем были вызваны их восторги: для придания большей дородности им приходилось надевать под этот наряд стеганные юбки и кофты, а на мне он и так сидел прекрасно. До появления иконы стиля шестидесятых Твигги оставалось еще несколько лет, но и тогда комплименты старушек доставили мне мало удовольствия.

Необычайно интересной оказалась и поездка на маленьком парходике по озеру Лача. Парходик подплывал то к одной, то к другой деревне, что-то выгружал, загружал, подвозил местных жителей, остановился один раз около заливного луга, где росли какие-то гигантские травы и цветы с меня ростом. В

общем, вся поездка оставила самые чудесные воспоминания, но побудительным толчком к началу коллекционирования, несмотря на массу увиденных этнографических редкостей, не стала.

В музейном головном уборе и старинном местном костюме, 1956

Путешествия родителей продолжались, а после 1961 года к ним иногда присоединялись и мы с Володей.

Однажды мы все оказались в небольшом городке Макарьево на Унже. В отличие от известного Макарьево на Волге, прославившегося как место самой большой российской ярмарки (потом она переместилась в Нижний Новгород), Макарьев на Унже был знаменит своим древним монастырем, основанным еще св. Макарием Унженским. Монастырь был в то время (конец 1960-х), конечно, в полном запустении, но, к своему большому удивлению, мы обнаружили в этом Макарьево сохранившуюся в полной неприкосновенности настоящую городскую усадьбу с домом из громадных

кедровых бревен и довольно большим запущенным садом.

Усадьба Троицких. Слева направо: папа, я, Елена Романовна, Нина Дмитриевна, мама. Макарьев на Унже, 1969

Самое удивительное, что в этой усадьбе доживала свой век ее законная владелица Нина Дмитриевна Троицкая. Во время революции она, как одна из первых женщин-химиков, получила на нее охранную грамоту то ли от Ленина, то ли от Луначарского, и за все последующие годы никто не посмел что-нибудь предпринять против нее или усадьбы. Закончив свою профессиональную деятельность, Нина Дмитриевна долгое время руководила городским самодеятельным театром. Вместе с ней проживала ее компаньонка Елена Романовна Подскарбий – прямой потомок крепостных, принадлежавших их семейству. Отношения между ними были очень хорошими, но отзвук далекого прошлого в них явно чувствовался. Елена Романовна преданно служила, Нина Дмитриевна ее заботливо опекала.

Иллюстрацией статуса Елены Романовны может служить наш совместный поход в баню. Было это во время нашего с Володей второго приезда в Макарьев, когда мы остановились уже непосредственно у этих милых старушек. В субботу, как все население городка, мы собрались в баню. Идти нужно было со своими тазами, и Володя, разумеется, вызвался их нести. Это предложение было встречено полным непониманием, поскольку мы были гостями Нины Дмитриевны. Поэтому по улицам Макарьева шествовала следующая процессия: впереди мы с Ниной Дмитриевной, дальше Володя, а замыкала шествие Елена Романовна с тазами. Когда мы подошли к бане, Володя рванулся покупать билеты, но Нина Дмитриевна решительно это пресекла: «Она сходит». Когда Елена Романовна вернулась с билетами, Володя отправился на свою половину, а мы, естественно, на свою. Тут Елена Романовна любовно помыла нам спины, но до ее спины я допущена не была: это сделала какая-то ее товарка.

В доме Троицкой сохранилась практически нетронутой старинная обстановка второй половины 19 века: шкафы-«монашки», туалет на изогнутых ножках, витые опоры для занавески, разгораживавшей комнату. Тогда мы, к сожалению, не оценили выпавшей нам удачи и не записали рассказы Нины Дмитриевны и Елены Романовны. На память об этих милых людях остались только приобретенные у них небольшие сувениры: бусы, лайковые перчатки и запачканная чернилами вышивка мальчика с собакой – видимо, бывшая вставкой в бювар (см. вкл. 1, илл. 1).

До самой смерти Нины Дмитриевны и Елены Романовны мы переписывались с ними, отправляли им лекарства и посылки. А теперь я иногда надеваю простую нитку белых кораллов как *hommage* (знак почтения и памяти) этим людям, так и не покинувшим своего 19 века.

В то лето мы побывали еще в Костроме, Кинешме и Щелыкове. В одном из музеев нам посоветовали провести следующий отпуск в деревне Ножкино близ Чухломы, сказав, что там в монастыре располагается школа-интернат, которая пустует во время летних каникул. Зимой папа написал директору школы, и нам ответили, что с удовольствием нас примут и поселят. Причем, если мы приедем последним автобусом ночью, надо будет просто как можно сильнее постучать в зеленую железную дверь, и директор нам откроет. Мы приехали, разумеется, засветло, но перед этим на несколько дней задержались в Галиче, куда доехали на поезде. Там убедились, что все памятники архитектуры, как и в других местах, находятся в плачевном состоянии, оттуда добрались до деревни Федорино и обнаружили там деревянную часовню и охранявшего ее деда. Кроме того, нашли на городском земляном валу старую фибулу, сели на местный автобус и отправились в Ножкино.

Паисиев монастырь, Троицкая церковь. Галич, 1970

Расстояние от Галича до Чухломы – 52 километра – мы преодолевали часа три. Автобус мотало из стороны в сторону то вверх, то вниз, но при этом он все же как-то незаметно продвигался вперед. Мы, как самые молодые, сели на заднее сиденье и подпрыгивали на нем почти до самой крыши. Посередине пути автобус сделал зеленую остановку. Я еле выбралась из него, а бабуля, сидевшая на боковом сиденье недалеко от нас, выпорхнула, как козочка, и принялась закусывать яичком и хлебушком. Когда мы у нее поинтересовались, как она переносит эту дорогу, она бодро ответила: «Так я всегда с Николаем Угодничком езжу, он в пути очень помогает!» Разница была действительно не в нашу пользу.

Издали вид Покровского Авраамиево-Городецкого монастыря, стоящего на небольшом возвышении на

берегу Чухломского озера, был исключительно живописным. Правда, при ближайшем рассмотрении он оказался таким же запущенным, как все прочие «культовые» сооружения в то время, но зато хозяева встретили нас очень приветливо и выделили нам для проживания дортуар человек на двенадцать.

Часовня в деревне Федорино, 1970

Окрестные жители к нам тоже весьма благоволили, поскольку Володя сразу начал чинить им телевизоры, а я лечить в меру своих убогих медицинских познаний.

Бабушкам от боли в голове и шуме в ушах давала лекарства от давления, а если пекло слева – от сердца. Естественно, дозы были минимальными и повредить никак не могли.

Услышав от одной из бабушек обращение «ангел», мы сначала приписали это своей благотворительности и стали отказываться от такого звания. Но нам объяснили, что раньше это было общепринятым обращением и старые люди до сих пор так друг друга именуют.

Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь, 1970

По вечерам все мужское население Ножкина двигалось с запрещенными вентерями к озеру ловить знаменитых чухломских карасей. Володя тоже удил там рыбу, но на удочку караси не попадались. В конце концов мы попросили у нашего хозяина продать карасика и обрели пузатую круглую рыбину, которая заполнила собой нашу самую большую сковородку. В соответствии с классической русской литературой

изготовили «карася в сметане», считая, что мы обеспечены едой на ближайшие несколько дней. Это оказалось ошибкой – карась исчез за один вечер, оставив по себе долгую память. Еще одним гастрономическим приключением обернулся наш поход в соседнюю деревню за медом, который мы решили послать домой бабушке и родителям. Радужный хозяин, увидев оптовых покупателей, предложил нам попробовать свой товар. Мы ожидали, что мед сервируют на кончике чайной ложечки, а его налили в большую чашку. У нас с собой был только что купленный свежайший белый батон, и чашка меда исчезла с той же скоростью, что и карась в сметане. Однако последствия были не такие приятные. На обратном пути я почувствовала, что засыпаю. Поле, по которому мы шли, казалось бесконечным и отчетливо качалось под ногами. Возвратившись в свой монастырь, мы среди бела дня заснули мертвым сном и пробудились только на следующее утро.

Пора было подумать и о душе, и мы вспомнили о церкви с какими-то росписями в отдаленной деревне Мироханово, о которой нам рассказывали местные жители. Добраться туда можно было только на грузовике, возившем молочные бидоны в соседнюю деревню. Договорились с водителем, погрузились и оказались в окружении пустых 40-литровых бидонов, которые очень резво передвигались по кузову, следуя за изгибами и ухабами проселочной дороги. Счастливо избегнув множественных переломов, выгрузились и стали спрашивать дорогу в Мироханово у старушки, с любопытством выглядывавшей из окна.

Деревня Мироханово, 1970

Она нам указала направление, мы поблагодарили и повернулись, чтобы продолжать свой путь, как вдруг раздался возмущенный окрик: «Ангелы! Да кто ж так делает? Да куда же вы пошли? Да разве можно так?» Оказывается, бабушка была настроена попить с нами чайку и расспросить, откуда мы такие нездешние появились. Ничего не поделаешь, пришлось пойти ей навстречу. После чаепития мы все-таки добрались до Мироханова и увидели полуразрушенную церковь с неплохими росписями, по стилю похожими на живопись Нестерова. Жалко, что там было слишком темно для фотографии. На полу валялись обрывки риз, из которых, как мы потом узнали, сшили мешки для картошки. Долгое время церковь служила складом, но в то время

была уже совсем заброшена, поскольку деревня постепенно вымирала.

Резные наличники в Солигаличе, 1970

В окне одной из изб виднелась бабуля, тщетно пытавшаяся продать свой никому не нужный дом за какую-то бешеную цену. Единственным привлекательным моментом были в этом доме резные наличники, украшавшие его окна. Подобные были почти на каждой избе и в Нож-кине, и в Солигаличе, куда мы потом переехали. Конечно, это была простая плоская прорезная работа, но они были все разные и выглядели, на наш взгляд, очень живописно.

В Солигаличе помимо многочисленных церквей и монастырей нас поразили прекрасно сохранившиеся торговые ряды. Казалось, что внутри мы сейчас увидим лавки с москательными, колониальными и щепетильными товарами. Увы! Ассортимент тамошней торговой сети ничем не отличался от среднего советского сельмага.

Финал нашего путешествия для меня был не особенно удачным. Памятуя об автобусе, на котором мы доехали от Галича до Ножкина, мы решили из

Солигалича воспользоваться более комфортабельным видом транспорта и вернуться в Галич на самолете. Это было большой ошибкой. Мы пришли на поляну, называвшуюся аэродромом, и увидели одинокий маленький самолет, сильно напоминавший автобус с крыльями. После того как немногочисленные пассажиры собрались, из вагончика, стоявшего на краю поляны, не торопясь вышел пилот, все вскарабкались на самолет, и это устройство взлетело. Оно летело совсем низко над землей, его нещадно трясло, а сквозь широкие щели в полу было прекрасно видно все, над чем мы пролетали. Полет продолжался недолго, но после приземления я буквально выпала из самолета прямо на руки Володе и объявила, что больше никогда в жизни никаким транспортом пользоваться не буду.

Несмотря на этот опыт, наши скитания благополучно продолжились.

Староселье

Отдельной главой нашей жизни явился «домик в деревне». Мои родители были заядлыми путешественниками, и приобретение недвижимости в виде дачи всегда вызывало у них резко негативную реакцию. Мы с Володией тоже не любили сидеть на месте. Но в конце восьмидесятых кочевая жизнь нам что-то прискучила, и мы решили обзавестись чем-нибудь своим. Дальше намерений дело, однако, не двигалось до тех пор, пока не позвонила Света Акчурина-Жарова и не сказала, что у них в деревне Староселье продается дом. А если мы можем выехать туда послезавтра, у нас будет попутчик Марина, которая уже купила там дом и хорошо знает, как туда проехать. У нас как раз был отпуск, и мы с энтузиазмом согласились.

Через день рано утром мы заехали за Мариной и отправились по Волоколамскому шоссе покупать дом. По дороге мы узнали, что из Староселья происходит все семейство Жаровых, в том числе та его ветвь, к которой принадлежал известный актер Михаил Иванович Жаров. Поэтому его племянница Света и ее двоюродная сестра, вдохновляемые идеей обретения корней, отыскиали это место, и Света даже купила там дом. Оказалось, что в Староселье до сих пор проживают другие потомки семьи Жаровых: настоящая деревенская бабушка Матвевна и ее сын, тракторист Володька, с семейством, состоящие со Светой в довольно близком родстве. Там же отстроил себе дом и брат Матвевны – Александр Матвеевич, в прошлом лихой военный, а затем директор крупного полиграфического комбината в Киеве. С подачи Светы там же купила дом и наша будущая соседка и друг Марина Александровна Казанкова, доцент химфака МГУ.

Проехав около ста километров, мы выяснили, что Марина купила свой дом совсем недавно, ездила туда только на поезде и дорогу знает лишь в очень общих чертах. Поворачивать обратно было уже поздно, и, понадеявшись на русский авось, мы двинулись вперед. С шоссе мы свернули там, где надо, – в районном городке Оленине, но дальше начались земли совершенно неведомые. Указателей, естественно, никаких не было, только изредка на обочине попадались искореженные железяки с надписями типа «Доброго пути!». Километровые столбы тоже вели себя престранным образом: сначала километраж, казалось бы, нарастал, потом неожиданно начинал убывать или менялся скачком. Других машин на дороге не было, и через некоторое время мы поняли, что окончательно заблудились. Проехав еще немного, мы вдруг увидели перекресток с четырьмя расходящимися дорогами, а посередине перекрестка (о радость и счастье!) указатель. Меня, как самую приткую, выгрузили из машины и отправили посмотреть, что на нем написано. На указателе было написано: «Место для курения». Мы остались ждать, не появится ли кто-нибудь, знающий дорогу. Первым прилетел вертолет, но минут через двадцать все-таки проехала машина, и водитель, изумившись нашей бестолковости, сказал, что поворачивать нужно было там, где стоит заброшенный вагончик и написано «Берегите лес от пожара!». Мы осознали свою ошибку и отправились в указанном направлении. Там нас ждали новые испытания: переезжать речку пришлось по двум бревнам, промежуток между которыми как раз соответствовал расстоянию между колесами машины, а при въезде на главную усадьбу Воротьково колея оказалась такой глубокой, что днище автомобиля скребло по земле.

Дом в Староселье, 1989

Кое-как переночевав у Светиных родственников в Воротькове, мы под водительством Марины отправились в Староселье. Контраст невероятной красоты природы и столь же невероятного убожества человеческих жилищ поразил нас с первого раза. Из всех убогих жилищ наш будущий домик был самым жалким: маленький, весь покосившийся и как бы съезжающий в овраг, полусгнившее крыльцо, не открывающиеся окна и низенькие двери, верхняя притолока которых приходилась как раз на уровне наших плеч. Но зато он стоял на самом краю деревни, вблизи не было никаких соседей, кроме Марины, и от нашей бани открывался вид немыслимой красоты. Хозяйка дома Марья Андреевна просила за всю эту красоту одну тысячу рублей, что составляло приблизительно полторы наших зарплаты за месяц, и мы решили, что такая сумма не стоит долгих размышлений. Переночевав в Воротькове, мы отправились на следующий день в сельсовет оформлять нашу покупку. В Москве нас пугали сложностью этой

процедуры, потому что в то время продажа домов с участком городским жителям являлась какой-то не совсем законной сделкой. Однако в правлении намчинить препятствий не стали и все необходимые бумаги составили за 15 минут, поскольку были до смерти рады избавиться от Марьи Андреевны, которая была самогонщицей и долгое время спаивала всю округу. Впоследствии, правда, выяснилось, что в этом деле население успешно обошлось собственными силами.

Старосельское общество состояло из дачников и местных жителей. К дачникам относились неплохо, причем особенной любовью пользовались Марина Александровна и Света Жарова – сами необыкновенно сердечные и общительные. Промежуточное положение между дачниками и местными занимал Александр Матвеевич Петров – уроженец здешних мест, уже давно живущий в Киеве. Он появился в Староселье незадолго до нас и, непрерывно трудясь в течение нескольких лет, успел построить очень добротный дом с баней и всякими угодьями. При первом знакомстве с ним и его женой Ниной Леонидовной эта пара производила весьма странное впечатление: он – типичный деревенский дед с обветренной щетинистой физиономией, в какой-то плащ-палатке и выдавшей виды кепке, она – интеллигентная пожилая дама с тонкими чертами лица, бывшая преподавательница английского языка. Их встреча произошла во время войны, когда bravому капитану-разведчику поручили обучить топографической съемке группу ленинградских студенток. Из своих подопечных он, естественно, выбрал самую симпатичную, а ее, по-видимому, в свою очередь не оставил равнодушной лихой военный. Они поженились и оказались на редкость гармоничной парой: его командный стиль смягчался и спокойно направлялся в нужное русло Ниной Леонидовной. Их гостеприимство и помощь оказались неоценимым

подспорьем в нашем новом, деревенском существовании.

С другим «романтическим» героем мы познакомились в процессе покупки яиц. В деревне их ни у кого не нашлось, и пришлось нам идти к Гурьянычу, у которого были и куры, и овцы, и даже, кажется, поросенок. Жил он в доме, стоявшем довольно далеко от деревни, и один управлял своим большим хозяйством. Когда мы поинтересовались у него, как ему это удастся, он поведал нам свою историю. Еще до войны он полюбил одну девушку из их деревни. Не помню, почему им не удалось тогда пожениться, но когда он вернулся с фронта, пожениться опять не удалось, несмотря на то что она все еще была не замужем. Дело в том, что и у нее, и у него во время войны дома сгорели. «Что же было делать? – объяснил Гурьяныч. – Пришлось жениться на другой, у которой дом уцелел». Но роман с прежней девушкой продолжался. Жена скандалила, вся деревня дружно осуждала бедную девушку, которой пришлось в конце концов уехать из деревни. Незадолго до нашего появления жена у Гурьяныча умерла, и он задумался о необходимости снова жениться.

В следующее наше посещение Гурьяныча мы застали у него пожилую и, видимо, очень больную женщину с маленьким мальчиком. Она оказалась той самой девушкой и рассказала продолжение истории. Уехала она тогда в Орехово-Зуево и поступила работать на ткацкую фабрику. Там вышла замуж, родила дочь. Долго работала ткачихой, стала инвалидом и теперь приехала с внуком на лето погостить к своему старому другу. Гурьяныч отнесся к ее приезду вполне положительно, но сказал, что в качестве жены его бывшая пассия теперь не годится, потому что больна и работать не может. Поэтому вопрос о женитьбе по-прежнему актуален.

На следующее лето мы, действительно, обнаружили у него далеко не молодую, но очень активную хозяйку,

которая сообщила, что во время войны научилась управлять трактором и всю жизнь проработала трактористкой. Теперь у нее два взрослых сына, но ужиться с невестками она не смогла и, услышав о проблеме Гурьяныча, переселилась к нему.

Почти все жители Староселья выпивали очень основательно, но сами себя алкоголиками отнюдь не считали. Даже на этом фоне выделялось разветвленное семейство Дуничей: родители и трое сыновей с семьями. Последние относились к тому типу людей, которые не будут работать ни при каких обстоятельствах, вне зависимости от государственного устройства и экономической системы. Они были способны продать корову при наличии маленьких детей, дрова в конце осени или холодильник в начале лета. Зато неумолимая жажда гнала их в лес собирать для «дачников» землянику, малину, грибы, чтобы немедленно пропить полученные за это деньги. При отсутствии даров природы не исключались и мелкие кражи: так, один из их отпрысков собрал клубнику на грядке у соседки и тут же продал ее Нине Леонидовне, которая, не подозревая о ее криминальном происхождении, сварила из клубники варенье, к великому негодованию Александра Матвеевича. Потом ущерб соседке был, естественно, как-то компенсирован.

Еще один способ отъема спиртного у дачников придумал достойный сын Дунича-старшего – Валерка. Однажды, приехав в свой дом, мы обнаружили, что в нем отсутствует электричество. Уезжая, мы обычно вывинчивали пробки во избежание пожара. Пробки мы, как обычно, поставили на место, но электричество все равно не появилось. Володя пошел посмотреть, в чем дело. Снаружи все было в порядке, провода не оборваны, и причина аварии совершенно не ясна. Разъяснил все Валерка, который появился как из-под земли, и услужливо предложил все исправить. У него

уже все было готово: лестница, резиновые перчатки, кусачки и прочее. В один момент он взобрался на лестницу, что-то к чему-то прикрутил, и ток пошел. Как понял Володя, перед нашим приездом этот Валерка аккуратно перекусил провода, ведущие в наш дом, не попортив при этом изоляции. Поэтому внешне все выглядело прекрасно, и автор-изобретатель был уверен, что глупые дачники ни о чем не догадаются. На этот раз трюк удался, и свою законную бутылку Валерка получил. Но на следующее лето, когда он попробовал проделать то же самое, разъяренный Володя сам приволок нашу лестницу, достал привезенные из Москвы перчатки и инструмент и соединил провода. Унылая фигура Валерки, маячившая в отдалении, молча удалилась восвояси.

Егор Иванович Козлов с женой Шуркой были людьми совсем другого склада. Егор был умным человеком и мастером на все руки. Он всю жизнь проработал в колхозе кузнецом, но с таким же успехом строил дома и бани, клал печи. Хозяйство у них находилось в блестящем состоянии, в доме были чистота и порядок, в Воротькове и Оленине жили непьющие сыновья с семьями. Некоторое время все шло хорошо, но потом подворачивался какой-либо случай, и оба погружались в долгий запой. В восемь утра на нашем пороге вдруг возникали растерзанная и окровавленная Шурка или мрачнейший Егор и сообщали, что им надо полечиться, а то они немедленно умрут. Для поддержания жизни им годилось все: от одеколона до мятного спирта для компрессов. Потом запой кончался, и жизнь продолжалась как ни в чем не бывало. Их отношения друг с другом наглядно демонстрировали все глубины русской души. Однажды я у кого-то поинтересовалась, почему Шурка, в отличие от других деревенских женщин, ходит стриженная. Мне объяснили, что это Егор в пьяном виде хотел ее зарубить топором, но

промахнулся и отхватил только косу. Иногда он сам объяснял суть претензий. Шурка была не из их деревни, они познакомились на танцах, и будущая супруга его обманула, уменьшив свой истинный возраст лет на десять. Когда у Егора обнаружили рак и положили его в больницу на операцию, Шурка ужасно переживала. У нее начались боли в сердце, подскочило давление, и после того, как Егора наконец выписали, она вскоре умерла. Егор очень горевал. Когда мы приехали в Староселье, он с гордостью показывал нам на Шуркиной могиле голубую железную решетку с кленовыми листьями, которую сделал собственноручно. Это не помешало ему тем же летом сделать предложение сначала нашей соседке Марине Александровне, а после ее решительного отказа зашедшей в деревню цыганке.

Егор Иванович и Степан Иванович Козловы

Кроме пьянства, в деревне буйным чертополохом процветало сквернословие. Выражались все от мала до велика, но сначала это проходило как-то мимо моих ушей. Все же однажды я обратила внимание на то, что

старший брат Егора Степан в разговоре со мной делает какие-то противоестественные паузы, страшно пучит глаза и весь багровеет. Я решила, что у него какой-то особый дефект речи, и спросила у Володи, в чем дело. Все объяснилось очень просто: в промежутках между более или менее цензурными словами бедный Степан проговаривал про себя все остальное, прилагая колоссальные усилия, чтобы оно не прорвалось как-нибудь наружу.

Покупка дома состоялась в августе, и мы надеялись последние недели лета провести в новообретенном поместье. Все наши намерения пресекла бывшая хозяйка, которая сказала, что пока она не соберет урожай посаженной ею картошки, она не сдвинется с места. Нам очень хотелось поскорее приобщиться к деревенской жизни, и мы даже предложили ей заплатить за будущий урожай, но она была непреклонна. Как выяснилось позже, провидение уберегло нас от больших неприятностей. Когда следующей весной мы наконец вселились в наш домик, первым делом я начала обдирать обои, которые жутко обезображивали старые бревенчатые стены. Марья Андреевна, правда, проинструктировала меня, чтобы, приклеивая новые обои (в том, что мы будем это делать, она не сомневалась), мы не вздумали прибавать под них картон, потому что тогда кошка не сможет ловить мышей, бегающих между обоями и бревнами. Без картона она легко сможет прорвать обои и поймать зарвавшуюся мышь, а картон ей в этом помешает. Несмотря на все удобства обоев, я их все же отодрала и, к своему ужасу, увидела такие наслоения следов тараканов и клопов, что, останься мы в нашем доме минувшим летом, мы были бы заживо съедены этими тварями. Разумеется, оклеивать обоями прекрасные бревенчатые стены мы не стали. А за зиму сработал древний русский способ избавления от насекомых:

в нетопленном доме они вымерзли, и с этой стороны нам больше ничто не угрожало.

Зато в первый же сезон явились крысы. В жуткую грозовую ночь я услышала леденящие душу писк, возню и топанье. На столе у нас остался хлеб. Он был, правда, в полиэтиленовом пакете, но крыс это, разумеется, не остановило. Они славно пировали всю ночь. Время от времени я будила Володю, он стучал им в стенку, раздавался недовольный писк, крысы с отвратительным звуком шмякались со стола на пол, и на какое-то время все затихало, но потом возобновлялось с новой силой. Назавтра все съестное было перегружено в надежные емкости, и на следующую ночь крысы не нашли ничего, кроме стекла и металла. В раздражении они разорвали клеенку в том месте, где накануне лежал хлеб, и удалились. В следующие сезоны они приходили на разведку недели через две после нашего приезда, но каждый раз их ожидало полное разочарование. В конце концов они совсем исчезли после того, как была уничтожена находившаяся рядом с нами колхозная ферма. Произошло это в конце девяностых в связи с полным упадком сельского хозяйства, но для нас имело, помимо исчезновения крыс, и другие благодетельные последствия: перестало пахнуть силосом из ямы и значительно сократилось поголовье мух.

Но, как известно, каждая вещь имеет две стороны: стало меньше мух и крыс, зато расплодились лисы и волки. Лисы поели почти всех деревенских котов, которые летом составляли им конкуренцию в «мышковании», а волки обнаглели до того, что зарезали шесть или семь деревенских овец. Волчица с выводком базировалась как раз возле тропки, соединявшей Староселье с главной усадьбой, и в походах за хлебом приходилось делать порядочный крюк по большаку. Ходить в лес мы тоже побаивались, поскольку с нами была внучка Кира, и я очень опасалась, что

пронзительный детский крик волки могут принять за пороссячий визг и захотят потренировать на нас свое подрастающее поколение.

С самого начала нашего пребывания в Староселье нас пугали медведями. По рассказам, они иногда подходили совсем близко к деревне. Рауф, муж Светы Жаровой, видел однажды, как медведица с медвежонком лакомилась овсом на поле за их домом. Местные жители говорили, что при встрече с медведем надо как можно громче закричать, тогда он испугается и убежит. Таким образом, вся ответственность за наше спасение возлагалась на меня, потому что женский крик, конечно, гораздо выразительнее мужского, но меня все время одолевали сомнения, достаточно ли визгливым и громким окажется мой голос. К счастью, медведей мы так и не встретили.

Самой симпатичной фигурой Староселья была, на мой взгляд, Марья Степановна – жена Егорова брата Степана. Сам Степан был мастером на все руки и очень сведущим человеком, а Марья Степановна оказалась большой умницей и необыкновенной рассказчицей.

Она родилась в небогатой семье, в которой кроме нее было еще два или три брата. Все братья так или иначе преуспели в жизни. Один из них даже поступил на рабфак в Ленинграде. Было это в двадцатые годы, и власти бдительно следили за чистотой происхождения учащихся. Марусин брат вызвал у них большие сомнения, потому что учился слишком хорошо для выпускника церковно-приходской школы. Его вызвали в какую-то комиссию и велели предъявить справку, подтверждающую его рабоче-крестьянское происхождение. Справки у него, разумеется, не было, но он попросил принести ему лыко и сказал, что сейчас же в присутствии комиссии сплетет лапти. В богатых крестьянских семьях все давно уже носили сапоги и дети зажиточных крестьян лапти плести не умели,

поэтому умение плести лапти являлось вполне убедительным доказательством принадлежности к эксплуатируемому классу. Лыка, конечно, не нашлось, принесли какие-то ленты. И, когда комиссия увидела, как сноровисто Марусин брат начал плести из них лапоть, вопрос был сразу решен, и ему разрешили продолжить образование.

Запомнился еще один рассказ Марьи Степановны. Поздней осенью в деревне резали откормленных с весны поросят. Делали это несколько наиболее опытных мужиков. В дом к Марусиным родителям приходили ее дядья. После того как дело было сделано, им накрывали роскошный по деревенским понятиям стол и, само собой разумеется, выставляли бутылку водки. Дети при этом лежали на печке или жались где-нибудь в углу. Несмотря на то что стол был уставлен всевозможными яствами, им и в голову не приходило, что можно подойти и попросить чего-нибудь. Только после того, как взрослые оканчивали свою трапезу, дети допускались к столу. Поэтому любимый ленинградский внук Марьи Степановны, сидящий за столом и являющийся средоточием забот всех присутствующих, все же приводил ее в некоторое недоумение.

Особенно интересными были рассказы Марьи Степановны о войне и послевоенном времени. Во время войны весь Оленинский район долгое время находился в оккупации. Марья Степановна была совсем молоденькой девушкой и подлежала высылке на работу в Германию. Чтобы ее от этого избавить, староста назначил ее санитаркой в сыпной барак. Это была изба, в которую собрали больных со всей деревни и повесили на ней объявление «Сыпной тиф». Немцы к этой избе близко не подходили и Марусю, таким образом, не тронули. Зато ей пришлось одной в тяжелейших условиях выхаживать еле живых людей. Им все время хотелось пить, а у нее не было даже кружки. И она много лет спустя с законной

гордостью вспоминала, как сама сделала кружку из брошенной немцами консервной банки. Когда выздоровел последний больной, все эшелоны в Германию уже ушли, но трудовые силы требовались немцам на месте. Поэтому было приказано собрать к определенному сроку всех молодых женщин. Этим занимался помощник старосты, в отличие от самого старосты недоступный никаким человеческим эмоциям. Несмотря на то что за Марусю просила его теща, которую та выходила в сыпном бараке, он остался непреклонен. Правда, совсем по-иному решился вопрос другой девушки. Она пришла к нему с десятилетним братом и сказала, что, если ее заберут, она, когда вернется, обязательно выколет глаза этому помощнику старосты. Потом прибавила, что, если она не вернется, это сделает ее брат. Это заявление произвело должное впечатление, и ее оставили в покое, а Марусю с подругой Вулькой (Олькой) и еще нескольких женщин поместили в сарай, чтобы не убежали. Наутро всех выстроили во дворе, и немецкий офицер велел выйти вперед тем, у кого нет детей. Такими оказались Маруся с Вулькой. Тут Вулька начала страшно рыдать, решив, что их немедленно расстреляют, потому что бездетных не жалко. Маруся оказалась более рассудительной и посоветовала Вульке подождать до тех пор, пока их действительно не поведут расстреливать. Оказалось, что такое разделение было предпринято скорее из гуманных соображений, чтобы женщин с детьми направить на работу поблизости от дома. В результате Марусю с подружкой определили уборщицами в госпиталь, находившийся тоже не слишком далеко. Оттуда они и сбежали перед приходом наших.

Я спросила у Марьи Степановны, что же стало с этим помощником старосты после войны. Когда пришли советские войска, он не стал скрываться, а остался в деревне. Рядом с домом, где жила Маруся с матерью,

было расквартировано подразделение Смерша или НКВД. Сотрудники брали у них молоко, и у Маруси созрел прекрасный, по ее мнению, план: рассказать им об этом человеке и посоветовать застрелить его около рощи, когда будут вести в главную усадьбу. Там же будет удобно его и закопать. Этим планом она поделилась с матерью, но та ей отсоветовала: «У него есть дети, внуки, и у нас на всю жизнь в деревне будут враги. Брось ты это дело: его Бог накажет». Так оно и оказалось на самом деле: весь остаток жизни он провел у дочери, полностью потеряв рассудок и дойдя до совершенно скотского состояния.

Вообще отношение к немцам не укладывалось в какое-то одно определение. Было, конечно, известно, что они расстреливают и вешают партизан, коммунистов и евреев (последнее скорее одобрялось, чем порицалось), но в то же время Марья Степановна очень уважительно отзывалась о справедливости немецких офицеров. Один раз их соседка обвинила матушку Марьи Степановны в краже ее рубашки. Соседку, матушку и рубашку предъявили немецкому офицеру. Он внимательно все рассмотрел и велел соседке приложить к себе спорную рубаху. Соседка была высокая и толстая, а Марусина матушка маленькая и худая. Рубашка, естественно, прикрыла собой только четверть соседки, и немец присудил ее законной хозяйке. «А что же было соседке?» – спросила я. «Тогда ничего не было, а потом ее случайно застрелили в огороде, когда она картошку убирала».

Добрым словом вспомнила Марья Степановна работавшего с немцами переводчика. Он помог очень многим, и в частности ее матери. Однажды им сказали, что немцы поймали партизан и заперли их в сарае на краю села. В числе партизан оказался и племянник Маруси-ной мамы. Она быстро собрала картошек, хлеба, яичек, увязала все это в узелок и отправилась к сараю,

чтобы передать племяннику. На улице ей попался переводчик и спросил, куда это она идет с узелком. Выслушав ее объяснения, он сказал: «Быстро поворачивай обратно, полезай на печь и даже из избы не выходи. Если немцы узнают, что это твой племянник, они и тебя, и твоих детей возьмут». Еле живая от страха, она побежала домой, залезла на печь и действительно просидела там несколько дней. А в это время самые отчаянные деревенские подростки договорились между собой, устроили скачки на лошадях как раз недалеко от сарая, где сидели партизаны. Они ухитрились на скаку незаметно сбить замок и освободить всех пленных. Среди этих подростков был и Егор. Когда я спросила о дальнейшей судьбе переводчика, Марья Степановна сказала, что его посадили, как и всех сотрудничавших с немцами. «И никто за него не заступился?» – «А нас и не спрашивали», – ответила рассказчица.

Самым удивительным из рассказов Марьи Степановны было повествование о подвиге старого пастуха. Когда пришли немцы, они узнали о существовании в лесу какой-то деревни. Но дороги туда не было, и они велели местному пастуху отвести их туда. Пастух долго бродил с ними по лесу, заводя их все дальше и дальше в самую чащу. В конце концов они поняли, что показывать им дорогу он не собирается, и застрелили его, но деревни так до прихода наших и не нашли. Это была единственная полностью уцелевшая деревня во всей округе, и я поинтересовалась, поставили ли пастуху какой-нибудь памятник благодарные жители. Марья Степановна удивилась: «А зачем?» – «Ну, он же спас их ценою собственной жизни». – «Так ему же было все равно, он же был старый», – парировала Марья Степановна. Все мои дальнейшие недоумения натыкались на этот неопровержимый, по ее мнению, аргумент, и убедить ее

в том, что пастух повторил подвиг Ивана Сусанина, мне так и не удалось.

После войны жизнь в колхозе стала не намного легче. Не было изб, мужчин, лошадей, посевного материала. За последним ходили в Оленино за сорок километров. Шли, как правило, вдвоем, ночевали у знакомых где-то на полдороге, а обратно несли пятидесятикилограммовый мешок зерна. При этом никакие причины не считались уважительными для отказа. Даже наличие грудного ребенка не избавляло женщину от подобного путешествия. За работу в колхозе тогда ничего не платили, только начисляли трудодни, паспорта на руки колхозникам выдавали только по решению общего собрания, и уехать куда-нибудь или устроиться здесь же на другую работу они не могли. Несмотря ни на что, многие в Староселье вспоминают то время не без ностальгии. Одна из жительниц пожаловалась как-то на не желающее работать молодое поколение: «Сталина на них нет. Вот при нем они бы работали». Я спросила у нее: «А как вы думаете, если бы все это принадлежало им, они бы работали?» – «Конечно, – ответила она. – Но Сталина все же не хватает, уж он бы навел тут порядок».

Вообще, у старосельских обитателей было своеобразное представление о справедливом мироустройстве. Расскажу эпизод, случившийся во время августовского путча 1991 года. В день его начала, 19 августа, мы были в Староселье. Утром Володя разбудил меня в 6 часов утра и сообщил, что произошел государственный переворот. Услышав о том, что происходит, мы сразу решили ехать в Москву спасать своих (а, может быть, погибать вместе с ними), но так просто выехать из Староселья было невозможно: надо было сначала договориться с трактористом, чтобы он дотащил нашу машину до дороги, и запастись по крайней мере хлебом, потому что в то время с

продуктами было вообще очень плохо, а в такой ситуации можно было приехать и оказаться совсем без еды. Решили ехать на следующее утро. Володя принялся паковать вещи и готовить машину, а я в компании с Матвеичем отправилась в Воротьково за хлебом. Зашли к Егору, и он, поглядывая на свои рваные резиновые сапоги, высказался в том смысле, что теперь все будет хорошо и наконец он купит новые сапоги. На мой вопрос, почему он так думает, он уверенно ответил, что по радио только что сказали, что все будет, значит, будут, в частности, и сапоги. В магазине мы с Матвеичем застали мрачную молчаливую очередь. Только один из мужиков с полной уверенностью заявил, что теперь будет гражданская война и, если ему дадут пулемет, он с удовольствием разделается со всеми городскими, которые ничего не делают, а только едят то, что выращивают деревенские. Городскими в очереди были только мы с Матвеичем, и я в глубине души порадовалась, что этому мужику пулемет пока еще не дали. В Староселье мы возвращались с местным трактористом, который толковал о том, что надо все правительство прогнать, а вместо министров посадить трактористов, которые понимают трудящийся народ. Я спросила, куда же он собирается девать изгнанных министров. «В трактористы», – уверенно ответил мой собеседник. Дальше произошел следующий диалог: «А как вы думаете, они будут хорошими трактористами?» – «Наверное, плохими». – «А почему?» – «Ну, они же не умеют обращаться с трактором!» – «А трактористы, по-вашему, сумеют управлять государством?» – «Конечно, сумеют, этому же учиться не надо», – отрезал наш попутчик.

На следующее утро трактор вывез нас на грунтовую дорогу, которая вела в Оленино. Дорога была совершенно пуста, и меня все 40 километров преследовала мысль, что если какие-нибудь догадливые

мужики свалят поперек дороги бревно, они запросто могут завладеть всем нашим имуществом и никто в этой неразберихе нас разыскивать не будет. К счастью, мужики оказались недогадливыми или достаточно гуманными, и мы благополучно добрались до Москвы под аккомпанемент «Лебединого озера», лившегося из нашего транзистора.

Завершая рассказ о деревенском периоде нашей жизни, скажу, что хорошего в Староселье было очень много. Это и запах прошлогодней полыни, сжигаемой в печке сразу после приезда; бревенчатые стены и тесаный потолок нашей избушки; и ласточки, щебечущие под высокой кровлей в сениях; и пленительный, всегда разный вид на окрестные поля и леса, открывающийся от нашей бани; и внезапно взлетающие с крошечного озерка серые цапли; и заброшенная церковь с аистами на колокольне; и неспешные беседы с Марьей Степановной; и прогулки с Мариной Александровной за ягодами и грибами; и лучи заходящего солнца, освещающие вечером нашу обычно темную «столовую». В Староселье занимаешься простыми делами: сушкой грибов, изготовлением творога и сметаны, варкой варенья. Там незаметно включаешься в деревенский образ жизни и скоро начинаешь, как заправский деревенский житель, обсуждать, кто это прошел мимо нашего домика, зачем и куда он может идти...

В Староселье мы обратили внимание на то, как чудесно устроены самые обычные растения, кора и корни деревьев. Володя безропотно выкапывал изъеденные улитками одуванчики и выволакивал из зарослей крапивы особо живописные корни, а я пыталась их изобразить на бумаге. И мои старательные рисунки до сих пор кочуют из одного угла нашей квартиры в другой, терпеливо ожидая того часа, когда для них освободится какое-нибудь местечко на стенах.

После того как в 2007 году я сломала шейку бедра, в Староселье мы больше не появлялись, потому что бродить по тамошним ухабам стало для меня просто опасно. Наш дом никто не захотел не только купить (на это мы с самого начала и не рассчитывали), но и получить в подарок. Сейчас он уже совсем развалился и весь зарос борщевиком. Да и деревня в целом представляет собой не менее печальное зрелище. Из дачников осталась только наша приятельница Марина Александровна, а из местных жителей – три дома, в которых обитает шесть человек. Поля заросли, тропки, по которым мы когда-то ходили, исчезли, расплодились лисы и волки. Зато остались прекрасные воспоминания о Староселье и его жителях.

Старосельские корни. Бумага, акварель, тушь, 1996

КОТЫ

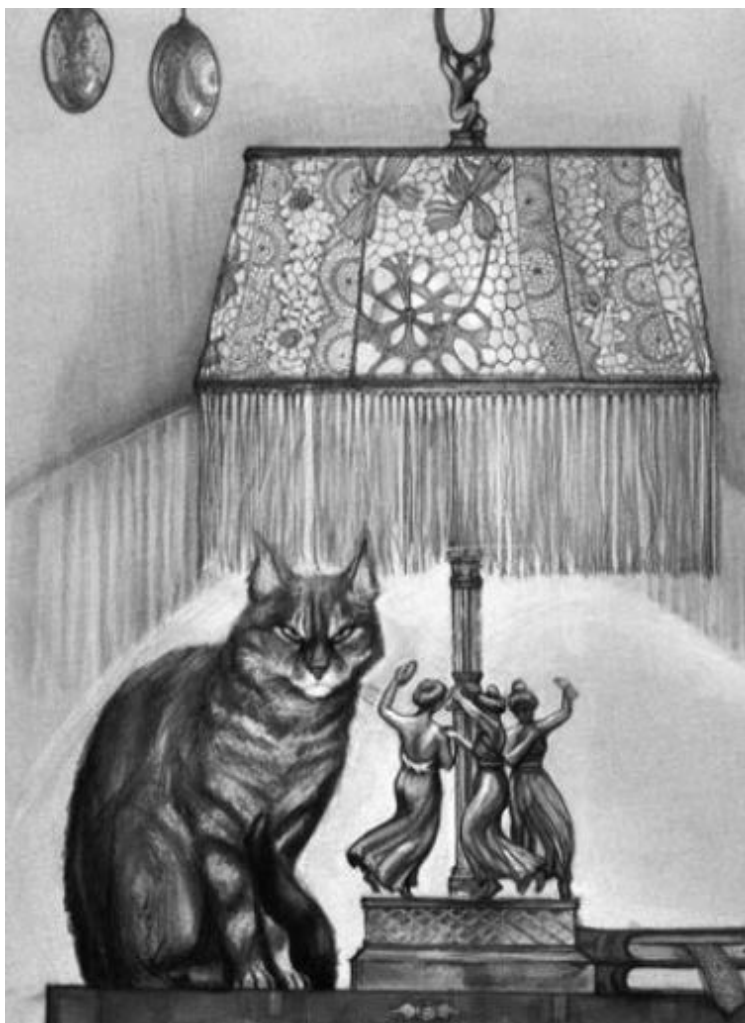
В моем детстве у нас была последовательная серия котов Микешек, но после исчезновения последнего и самого лучшего из них – незабвенного черного флегматика с белой манишкой, серия на долгие годы прервалась. Новый кот, точнее кошка, появился у нас, когда нашей дочери Даше было лет 14 или 15. Как все дети, она долго кланчила собачку, но все наше семейство – мои родители, бабушка и мы с Володией – стойко держало оборону. В какой-то момент она все-таки была прорвана, и неизвестный злодей успел вручить ей по пути из школы черепаху. Черепаху поместили в эмалированный таз, где она отвратительно царапалась. Слушать это было невозможно, и ребенок наконец добился своего: мы согласились на котенка, если черепаху удастся отдать в школьный живой уголок. Тогда Даша, конечно, продешевила – прояви она большую твердость, удалось бы выторговать не только собаку, но и крокодила. А мы воспользовались ее детской наивностью и договорились с женой моего научного руководителя, заядлой «кошатницей», что нам будет предоставлен отборный котенок из ближайшего потомства кошки ее знакомых. Через два или три месяца нам объявили, что котенка можно забирать. Правда, место обещанного рыжего котенка мужского пола заняла серая кошечка, и поскольку она была оставлена специально для нас, от нее никак нельзя было отказаться.

При ближайшем рассмотрении кошечка оказалась тощенькой особой самого простецкого окраса с раскосыми слезящимися глазами. Нас тут же заверили, что она все прекрасно видит, а в остальном представляет собой образец добропорядочности. В

результате у кошки ветеринар определил врожденный заворот век, который тогда не оперировали, и мы нарекли ее Шилькой (по-немецки *schielen* – косить). Глаза бедный Володя промывал ей каждый день всю ее довольно длинную жизнь (шестнадцать с половиной лет). Характер у кошки тоже оказался далеко не идеальным. Шилька очень не любила, когда повышали голос, а детский крик и визг просто не выносила. Когда к нам переселилась внучка Кира, при малейшей попытке крикнуть кошка мчалась из другого конца квартиры и вцеплялась мертвой хваткой в ее ноги. Долгое время бедная девочка ходила вся в шрамах, но голос повышать перестала и теперь обычно разговаривает, в отличие от современных девушек, очень тихо и спокойно.

Все наши посетители к Шильке никакой симпатии не испытывали. Она категорически не давалась в руки взрослым и время от времени царапала детей. Не одобрила ее и наш друг Мария Александровна. Когда мы привезли это сокровище к ней на дачу, она, проходя мимо, с неодобрением заметила: «Ну как можно так жить? Только ест и спит!» Однако нашелся все-таки человек, разглядевший в нашей кошке некие привлекательные черты. Молодой довольно известный художник Антон Куманьков внезапно выразил желание ее нарисовать. Когда я усомнилась, что ее удастся заставить позировать, он уверенно ответил, что это он обеспечит сам. Действительно, каким-то образом ему удалось найти с ней общий язык. С людьми у него это получалось хуже, поскольку Антон оглох в раннем детстве, при разговоре читал слова собеседника по губам, а сам говорил крайне неразборчиво. В результате Шилькин портрет получился весьма удачным. Он часто экспонировался на выставках. Обычными комментариями посетителей были: «Вот холера!», но почти каждый раз находились желающие купить это произведение. К сожалению, приобрести оригинал никто

не захотел. Насколько я знаю, Антон эту картину очень ценил и так и не продал.

А. Куманьков. Натюрморт с кошкой (Шилькой).
Бумага, пастель, тушь, 75х55 см, 1992

Неказистая внешность и дурной нрав сочетались с бурными страстями, бушевавшими в Шилькиной душе. Они проявляли себя, мне кажется, значительно чаще, чем это обычно бывает у кошек. Стерилизация тогда считалась опасной операцией, и мы стойко сносили все всплески ее эмоций. Но однажды она нанесла сокрушительный удар по репутации нашего добропорядочного семейства. К нам зашел наш давний

друг со своим молодым приятелем – высоким, стройным красавцем-литовцем. Не успели они усесться, появилась Шилька и исполнила именно перед литовцем эротический танец, в значении и адресате которого невозможно было ошибиться. Молодые люди веселились от души, а я пыталась испепелить взглядом ненавистную кошку, которая не обращала на мои «брысь!» и «пошла вон!» ни малейшего внимания.

Тем не менее, когда это исчадие скончалось 16 лет от роду, все очень горевали, а Володя, заботившийся о Шильке больше всех, поклялся больше никаких котов не заводить.

Он твердо придерживался своих намерений около двух лет, но у нас подрастала внучка Кира, которая, разумеется, очень хотела котика. Однажды она пришла из школы и принесла найденное в луже объявление о том, что в нашей районной библиотеке (ныне библиотека им. Фурцевой) в следующие выходные состоится выставка кошек. Мы восприняли это как знак судьбы, дали дедушке обещание котят не покупать и отправились на выставку. На выставке были какие-то очень породистые и очень дорогие котята, поэтому Кирины тихие вздохи были оставлены без внимания. Но на выходе около кассы висела авоська с разномастными и явно плебейскими котятами, один из которых чем-то привлек наше внимание. Это был жалкий комочек рыжей шерсти с дрожащим хвостиком, но у меня в памяти сразу возникла картина, которую я наблюдала в нашем магазине «Свет» несколько лет тому назад. Рыжий котенок с упоением играл со шнуром от выставленного там торшера. Невозможно было оторваться от этого увлекательного зрелища, и я сразу подумала, что хотела бы именно такого котенка. Но тогда еще была жива Шилька, и мои мечты остались мечтами. Теперь я попросила кассиршу показать нам котенка, а он бросился к Кире и изо всех сил вцепился в ее куртку, как

будто только и ждал нашего появления. Сердце – не камень, и котенок был приобретен за 200 рублей, которые в то время имели далеко не символическое значение.

Увидев нашу покупку, Володя пришел в ярость и сказал, что он пальцем к этому животному не притронется. Но на следующее утро тот же Володя уже нежно готовил ему завтрак и потом сам пил чай с котенком на коленях. Назвали его в связи с рабоче-крестьянским происхождением Трифоном, в просторечии Тришка. На следующий день повезли Тришку к ветеринару, который обнаружил у него блох, ушного клеща и посоветовал дать лекарство от глистов. А когда Кира сообщила, что мы за это животное еще и деньги заплатили, посмотрел на меня с сочувствием, решив, по-видимому, что возраст ума не прибавляет.

Уже через год Тришка превратился в солидного кота чрезвычайно достойного вида, и за ним окончательно закрепилось уважительное именование – Трифон. Когда мы перевезли его на дачу, красота Трифона произвела большое впечатление на местного умельца Пашу, который попытался просватать за него свою кошку, но опоздал: эта сторона жизни для бедного кота была уже закрыта.

Первые угрызения совести по этому поводу мы ощутили, когда при очередном посещении ветеринара Трифон был идентифицирован врачом как настоящий британец. Позже это заключение полностью подтвердилось в Англии (см. главу «Бисерная лекция в Англии»). Там в сельской гостинице на маленькой полочке с книгами мы обнаружили атлас пород британских кошек. Изображение и описание короткошерстного британского кота практически ничем не отличались от нашего Трифона.

На даче Триша продемонстрировал не только свою красоту, но и трудолюбие. В отличие от Шильки, он

заслужил полное одобрение Марии Александровны, принявшись усердно уничтожать исконных врагов дачника-садовода – мышей и кротов. Правда, порой Трифон ловил и зазевавшихся птичек. Тогда, увидев кучку перышек на крыльце, его начинала стыдить Кира, на которую совершенно не действовали мои напоминания о том, что мы купили кота, а не хомяка.

Свои охотничьи способности Трифону однажды удалось продемонстрировать в весьма неожиданных обстоятельствах. Утром 31 декабря 2006 года заболел Володя. Температура поднялась до 39,5, и врач, которого мне с большим трудом удалось вызвать в этот день, поставил диагноз: двустороннее воспаление легких. Кира отправилась встречать Новый год к своему отцу, а я сидела на кухне в полном одиночестве. Пробыло одиннадцать часов, и вдруг в коридоре раздался какой-то топот, прыжки, удары. Оказалось, что кот играет с возникшей буквально из ниоткуда мышью. Через некоторое время шум стих, и я поняла, что мыши пришел конец. Прошло полчаса, и появилась следующая мышь, с которой повторилось все то же самое. Наконец, ровно в полночь состоялось пришествие третьей мыши, которая также погибла после соответствующих ритуальных игр. Я вышла посмотреть, не осталось ли от нее случайно семи корон королевы Мышильды. К сожалению, корон не было, но зато от мышей тоже не осталось ни следа. Это было единственное появление мышей в нашей квартире почти за 20 лет.

Тришина отвага на представителей семейства кошачьих не распространялась. Правда, один раз он на наших глазах прогнал с участка белую кошечку, а в другой – явился с клоком темной шерсти в когтях. Но против настоящих уличных котов пасовал безоговорочно. Обычно дело ограничивалось дикими воплями где-нибудь в кустах и позорным бегством под дом или на террасу.

С людьми Трифон сходилась еще хуже. Конечно, его любовь к Кире ничуть не уменьшилась, даже когда она от нас переселилась в другую квартиру, но остальные двуногие вселяли в него панический ужас. Однажды мы затеяли ремонт санузла, который осуществлял добродушный, исключительно аккуратный и дисциплинированный мастер Саша. Он появлялся ровно в 11.00 и, проработав без перерыва на обед с несколькими перекурами, удалялся в 18.00. Каждый день ровно в 10.45 Трифон уже сидел перед нашим большим шкафом. Как только раздавались звонки домофона, он немедленно скрывался в шкафу и выходил оттуда через 15 минут после того, как Саша уходил. Задержка была связана, по-видимому, с Сашиними перекурами: кот хотел убедиться, ушел ли его недруг навсегда и не вернется ли он обратно. За полтора месяца работы Саша Трифона так ни разу и не увидел и даже несколько удивился, когда ему сообщили, что у нас есть кот. В тот день, когда работа по преобразованию санузла в термы Каракаллы была закончена, кот ровно в 10.45 подошел к шкафу, посидел до 11.00, выждал еще минут десять, вопросительно на нас посмотрел, осознал, что никто не придет, успокоился и отправился по своим делам.

Даже нас Трифон очень опасался, встречая где-нибудь вне привычной обстановки. Особенный ужас вызывали у него переезды в машине. Перевозить его можно было только с помощью очень снисходительных людей, которые терпеливо выслушивали его непрекращающиеся стенания и не сердились даже в случае распространявшихся в машине предосудительных запахов. Приближение переезда кот ощущал заранее, и поймать его, чтобы посадить в кошачью перевозку, было большой проблемой. Однажды эта проблема стала почти непреодолимой.

Дачное лето кончалось, и Кира должна была приехать за нами на следующий день, чтобы отвезти в Москву. Вместо этого она устроила сюрприз: позвонила вечером и сообщила, что уже припарковалась у нашей калитки и нам надо срочно собираться. К счастью, Трифон был дома, и его тут же закрыли в одной из комнат. Быстро собрали вещи, приготовили перевозку и, когда все было готово, допустили роковую ошибку: я открыла входную дверь, а Володя – дверь из комнаты, в которой сидел кот. Разумеется, Трифон вылетел из дома, как стрела, и сел на дорожке, спокойно наблюдая, что мы будем делать. Кира попробовала к нему приблизиться, но он немного отошел в сторону. Она сделала еще шаг, он отошел на шаг назад. Кира звала его самым нежным голосом, кот все внимательно выслушивал и не спеша отступал все дальше и дальше. Наконец, Кира сделала отчаянный бросок, пытаясь его поймать, и Трифон неторопливо скрылся под старым домом, стоявшим на нашем участке. Все было кончено. Там он мог просидеть всю ночь, и перспектива караулить его все это время казалась неизбежной.

Вот тогда Володя разработал свой сценарий. Его замысел был основан на том, что мы через день ходили к нашим друзьям Ляле и Саше Хохловым играть в скрабл и возвращались вечером приблизительно в это время, а кот уже ждал нас на крыльце, чтобы его впустили в дом. Под руководством Володи мы закрыли входную дверь в дом, вышли на улицу, заперли калитку, Кире было велено уйти куда-нибудь подальше, а мы пошли по направлению к даче друзей. Погуляв минут десять, мы вернулись, непринужденно разговаривая и стараясь не упоминать слова «машина», «Москва» и тому подобное, погремели замком, отпирая калитку, и увидели Трифона, терпеливо ожидающего нас на крыльце. Конечно, он был немедленно водворен в перевозку, прибежала Кира, и мы наконец поехали домой. Таким образом, на сей раз

человеческий интеллект одержал победу, что бывало, впрочем, далеко не всегда.

Трифон на фоне бисерной вышивки, 2005

Трифон прожил у нас 13 лет и умер в ветеринарной клинике от какой-то непонятной болезни. Володя опять поклялся, что больше котов мы заводить не будем, и пока мы эту клятву не нарушили.

Начало коллекции

Задолго до эпохи Староселья началось наше семейное увлечение – коллекционирование старинных работ из бисера. Оно оказалось связанным с одним из совместных путешествий.

В 1965 году мы с Володией и моими родителями отправились в долгую поездку по Северу, закончившуюся в Эстонии. Сначала мы доехали на поезде до Котласа, потом поплыли по Северной Двине на пароходе. На пароходе за мамой отчаянно ухаживал печник, который вполне серьезно уговаривал ее покинуть московского профессора и переселиться к нему, поскольку он очень хорошо зарабатывает кладкой печей и может обеспечить ей роскошную жизнь. После того как мама его решительно отвергла, он напился и даже не смог попрощаться с нами в Архангельске.

Вообще, Север значительно поколебал наше убеждение, что в Москве много пьют. По мере удаления от дома столица преображалась в нашем воображении в оплот трезвого образа жизни. На остановках парохода мы сплошь и рядом наблюдали следующую картину: на берегу беспорядочно валяются тела, матросы с парохода сходят на берег и, вытаскивая у них из карманов билеты, проверяют, куда они направляются. Тех, кто едет вниз по реке, грузят на пароход, остальных оставляют ждать встречного транспорта. В Архангельске нас встретил протянутый поперек улицы плакат «Пей в меру». Поняв всю глубину этого изречения, мы свято придерживались этого принципа в дальнейшем.

Из Архангельска мы направились в общем вагоне в Онегу. Вагон брали штурмом, он был набит битком, и ночь, проведенная в жуткой грязи и духоте, запомнилась надолго. Запомнилась и девушка,

примостившаяся на краешке скамейки. На ней было вечернее платье с блестками и свежая, только что из парикмахерской прическа. По-видимому, все это великолепие предназначалось встречающему, и она стоически, не шевельнувшись и не прислонившись, просидела в таком виде до трех часов ночи, пока не сошла на какой-то промежуточной станции.

В Онеге мы погрузились на дору (большая моторная лодка), которая довезла нас до острова Кий. Там располагался местный дом отдыха, и отдыхающие нас встретили очень радостно, почему-то решив, что приехали артисты. В результате публика была несколько разочарована, а мы, наоборот, очарованы красотами Кия. Это маленький скалистый остров в Белом море, расположенный километрах в десяти – пятнадцати от устья Онеги. Он весь порос соснами и усеян осколками гранита с вкраплениями гранатов. Поскольку на всем острове земля покрыта слоем сухой хвои, единственным средством передвижения являлись сани. До революции на этом острове был мужской монастырь. По преданию, монахи знали путь, по которому в Онегу можно было во время отлива добраться по морю пешком. Во время нашего пребывания там стояли настоящие белые ночи: солнце только касалось горизонта, и снова начинало светать. Днем Володя ловил рыбу, а ночью мы жарили ее на костре. Очень хотелось спать, нас нещадно ела мошка, но экзотическая обстановка и свежая, испеченная на костре мелкая камбала искупали все неудобства.

Компанию нам составляли такие же неумные москвичи, как мы: архитектор, получивший Сталинскую премию, кажется, за восстановление Днепрогэса, и очень симпатичная немолодая пара, Юрий Яковлевич и Вера Васильевна Цедербаумы. Их история очень трогательна и одновременно типична для того времени. Познакомились они еще совсем молодыми и понравились

друг другу, после чего Юрия Яковлевича арестовали, и какое-то время он пробыл в лагерях. Когда его выпустили и поместили в сибирскую деревню на поселение, он был уже тяжело болен туберкулезом. Получив это известие, Вера Васильевна со своей матерью немедленно выехали к нему. Эти городские женщины в нелегких деревенских условиях «наладили быт», возделывали огород, обеспечили Юрию Яковлевичу полноценное питание, варили ему целебные отвары и настои. В результате он вернулся к жизни из почти безнадежного состояния. После смерти Сталина его, как и многих других, реабилитировали, они возвратились в Москву, и он приступил к своей основной работе юриста. Мои родители и Цедербаумы прониклись взаимной симпатией и договорились непременно встретиться в Москве.

Ночной костер. О. Кий, 1965

Уехав с острова Кий, мы еще долго колесили по тем местам: съездили на пароходе вверх по Онеге, потом поехали на Соловки, а в конце еще немного пожили в Эстонии. Вернувшись в Москву, родители возобновили знакомство с Цедербаумами. Оказалось, что Юрий Яковлевич очень дружен с Александром Зиновьевичем Крейном, который как раз в это время занимался организацией музея А. С. Пушкина на Пречистенке.

Наслушавшись, с каким энтузиазмом и изобретательностью Крейн оформляет новый музей, мы, естественно, захотели посмотреть на все своими глазами. Цедербаум договорился о встрече, и наша маленькая экскурсия не спеша отправилась под предводительством Крейна обозревать экспозицию. Наше внимание привлекла небольшая витринка, в которой была выставлена семейная коллекция старинных вышивок. Украшением ее служил великолепный шитый бисером пояс (или, как я теперь думаю, сонетка^[2]). Потрясенная его красотой, я стала настойчиво расспрашивать, что это такое. Дама, которая сопровождала Крейна, решила надо мной подшутить. «Вам что, нравится этот пояс? – спросила она. – Так вы можете пойти и купить себе в магазине такой же». Не оценив юмора, я наивно спросила, где же находится такой замечательный магазин, и тут она мне снисходительно объяснила, что это редкая старинная вещь и на каждом углу такие раритеты не продаются. Тем не менее мысль, что нечто подобное где-то существует, меня с тех пор не покидала. Зайдя в антикварный магазин на Арбате, я обнаружила, что бисер там действительно есть и наши мечты могут осуществиться. Некоторое время мы еще поговорили на эту тему, пока у мамы не лопнуло терпение. Будучи самой решительной из всех нас, она пошла и купила первую бисерную вышивку: голубка в окружении роз, лилий и сирени (см. вкл. 1, илл. 2).

Наверное, это была судьбоносная покупка. Голубь, как известно, птица богини любви Афродиты, а в соответствии с книгой «Язык цветов» (Петербург, 1849) розы обозначают красоту, лилии – любовь и величие, сирень – первое чувство любви.

За «Голубком» последовали другие более или менее удачные покупки. Естественно, параллельно начался и поиск литературы по этой теме. Ее оказалось совсем

немного. На первых порах это были: книжка В. Дудоревой «Бисер в старинном русском рукоделии» (1923) и статья А. Ф. Червякова «Шитье бисером и стеклярусом» в сборнике «Русское декоративное искусство» (М., 1965. Т. 3. С. 173-184). Позднее в Ленинке удалось обнаружить книгу искусствоведа Пазаурека, опубликованную в 1911 году (*Pazaurek G. Glasperlen und Perlenarbeiten aus alter und neuer Zeit*). Поэтому все семейство занялось поисками не только бисерных вышивок, но и малейших упоминаний о бисере в литературе. А поскольку все члены семьи (и в особенности мама) были весьма читающими, дело спорилось. В 1990 году на основе богатейшей коллекции Эрмитажа вышла книга Е. Моисеенко и В. Фалеевой «Бисер и стеклярус в России», исключительно полезная для всех интересующихся этим вопросом.

Кроме литературы, ценным источником информации могли бы быть музеи, если бы изделия из бисера играли сколько-нибудь значимую роль в экспозиции. Приходилось ориентироваться на немногочисленные выставки. В 1973 году в Русском музее открылась выставка коллекции декоративно-прикладного искусства Л. И. Караводиной, в которой довольно значительное место занимал раздел бисера. Специально на эту выставку мы съездили в Ленинград на полдня. Когда вернулись домой, первым вопросом был: «Ну что, продолжаем собирать бисер или сдаемся?» Посовещавшись, мы решили, что наши собирательские достижения не так уж и плохи, и охота за бисером продолжилась с удвоенной энергией.

В 1990 году в этнографическом музее Ленинграда прошла выставка «Бисер в культуре народов мира». Был издан каталог, которым, к сожалению, из-за отсутствия системы нумерации воспользоваться практически невозможно.

В 1993 году состоялась эпохальная выставка «Русский бисер» из коллекции Исторического музея. Каталог этой выставки стал одной из моих настольных книг. От интенсивного использования он постепенно распался на отдельные страницы, но своей актуальности не потерял. С куратором выставки и автором каталога Ольгой Васильевной Молчановой мы познакомились незадолго до этого и в течение многих лет время от времени пользовались возможностью обратиться к ней в особенно затруднительных случаях. Несмотря на некоторые идеологические расхождения, она всегда щедро делилась запасами своей обширной эрудиции. Ольга Васильевна защитила диссертацию на тему «Русский бисер в отечественной культуре второй половины XVIII–XIX в.», а ее монографию на эту тему все любители бисера ожидают, к сожалению, уже не один год.

notes

Примечания

«Канатчикова дача» – народное название Психиатрической клинической больницы № 1 им. Н. А. Алексеева за расположение в местности Канатчиково. – *Прим. ред.*

Сонетка (от *фр.* sonner – звонить) – в барских домах звонок-колокольчик для вызова прислуги, часто приводившийся в действие шнурком. Этот шнур (или лента) обыкновенно был красиво отделан или вышит. – *Прим. ред.*